

ФГБУН ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
Отдел памятников письменности народов Востока

XVI ежегодная
проблемно-методологическая конференция

**ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ВОСТОКА**

19–21 октября 2026 г.

Тезисы и конспекты докладов

Москва, ИВ РАН
2026

УДК 94(5)(082)+7(1/9)
ББК ТЗ(5/6)+Щ03/Щ03(8)
ТЗ0

Составители и ответственные редакторы выпуска:
Л. В. Горяева, В. Н. Настич

Научное и техническое редактирование —
Л. В. Горяева, С. В. Лахути, В. Н. Настич

Форматирование, компьютерная верстка,
мониторинг восточных шрифтов — В. Н. Настич

Т-30 **XVI ежегодная** проблемно-методологическая конференция «Текстология и источниковедение Востока». 19–21 октября 2026 г. / Тезисы и конспекты докладов / Сост. и отв. ред. Л. В. Горяева, В. Н. Настич. — М.: ИВ РАН, 2026. — 144 с.

Сборник тезисов и конспектов докладов, заявленных для прочтения на XVI Международной проблемно-методологической конференции «Текстология и источниковедение Востока», организованной сотрудниками Отдела памятников письменности народов Востока Института востоковедения РАН и проводимой в Москве 19–21 октября 2026 г.

The present volume represents a collection of abstracts and synopses of papers to be delivered at the 16th annual Conference "Textology and Source Study of the East" organized in the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, and conducted by the staff of the Department of Oriental Written Sources (Moscow, 19–21 October 2026).

© Горяева Л. В., Настич В. Н.,
составление, 2026

© ФГБУН ИВ РАН, 2026

Содержание

От редакторов	8
Программа XVI ежегодной проблемно-методологической конференции «Текстология и источниковедение Востока»	10
<i>М. С. Баранова</i>	
Паломничество как юридическая обязанность в системе иудейского и исламского права: сравнительный анализ	16
<i>В. В. Бельский</i>	
Пророк и царь: 'прорицатель' (<i>hōzē^h</i>) в ветхозаветных текстах и древнееврейских обществах	19
<i>Р. М. Валеев, Д. Е. Мартынов, Ю. А. Мартынова</i>	
Дневник тюркологической экспедиции Н. Ф. Катанова за 1891 г.: структура и содержание	22
<i>С. С. Вдовин</i>	
Правление первых Кунгратов согласно труду Абдул-Карима Бухари	25
<i>М. В. Выжлаков</i>	
Параллельный корпус 4ТВ и его применение на примере проблемы прошедших времён в тохарском А языке	28
<i>Е. В. Гордиенко</i>	
Кхмерские повествования о духах местности (в сопоставлении с аналогичными вьетнамскими текстами)	31
<i>В. А. Горшков-Кантакузен</i>	
Визит Роберта Коха в Японию по данным рукописных источников, или что теряется при чтении газет	34
<i>З. Ш. Закарияев</i>	
Арабоязычный список 1641 г. сочинения по мусульманскому праву <i>Канз ар-рāḡибīн</i> ал-Маḡаллī из коллекции Дагестанского государственного университета (архео-графическое описание)	37

<i>М. Ю. Илюшина</i>	
Трактаты для обучения мамлюкских всадников в рукописном сборнике XIV в.	40
<i>И. Б. Иткин</i>	
<i>Дхарма с вирамой</i> : об одной группе восточнотохарских рукописей	43
<i>М. Т. Ишанханова</i>	
Синтез классической традиции и европейской дидактики в грамматическом трактате Ибн Фархата <i>Баҳс ал-мағалиб ва-ҳасс ат-тағлиб</i>	46
<i>Л. Г. Лахути</i>	
<i>Са‘адат-наме</i> , поэма-маснави, приписываемая Насиру Хусраву: история публикации и первый русский перевод	49
<i>С.В. Лахути</i>	
Мусульманские святые в текстах европейских путешественников: на материале путешествия в <i>хаджж</i> Р. Ф. Бертона	52
<i>О. К. Матвеева</i>	
Когда возникает японская историография? Историческое сознание и историческое письмо в тексте хроники <i>Нихон сёки</i> (720)	55
<i>Д. В. Микульский</i>	
Выдающиеся сыны Северной Африки (конец XIX – первая половина XX в.): Восток и Запад как факторы формирования личности. На основе трудов современных североафриканских ученых	58
<i>Д. Е. Мишин</i>	
Переписка Александра Македонского и Аристотеля в <i>Шах-наме</i> Фирдоуси	61

<i>А. В. Мрачковская</i>	
«Хождение в пять индийских царств»: комментарии к переводу источника	64
<i>В. А. Мяндо</i>	
Место трактата <i>Кудэнсю</i> из антологии <i>Рёдзин Хисё</i> в поэтической традиции Японии	67
<i>Е. Л. Никитенко, Н. Ю. Чалисова</i>	
Этос «содружества» (<i>suḥbat</i>) и красота прекрасных в суфий- ской поэме Хумама Табризи (XIII в.)	70
<i>В. В. Новикова</i>	
Транзит власти от мамлюков к османам в регионе аш-Шам: динамика этнических и географических категорий в араб- ских источниках XVI в.	73
<i>Б. В. Норик</i>	
К вопросу о переводе двух фрагментов из «Истории Персии» Дж. Малколма в <i>Тарих-е мунтазам-е Насири</i> И‘тимада ас-Салтане	76
<i>М. А. Овчинникова</i>	
К вопросу о переводе монгольской летописи XVIII в. «Течение Ганга» Гомбоджаба	79
<i>М. Н. Османова</i>	
Арабографические старопечатные книги из фонда Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки ДГУ	82
<i>Н.И. Пригарина</i>	
А. Шиммель об отношении Икбала к Хафизу	85
<i>В. В. Прудников</i>	
Проблемы текстологии и перевода латинской хроники XII века: опыт работы с «Анонимом Ватиканским»	88

<i>А. Резаипуя</i>	
Медицинские тексты Центральной Азии XVII века как исторический источник (контекстуальный анализ)	91
<i>М. Л. Рейснер</i>	
Удивительная «Хафизiana» в газелях Са'иба Исфакхани (XVII в.): специфика организации текста	94
<i>В. А. Розов</i>	
«Ни восточной, ни западной...»: коранические термины, обозначающие стороны света	97
<i>К. В. Руссу</i>	
Хронология мамлюкских наместников провинции Алеппо в трудах арабских историков Средневековья	100
<i>И. Р. Саитбатталов</i>	
«Четыре времени года» Мухаммада-‘Али Чукури: пейзажная лирика или мистический комментарий?	103
<i>А. Свенцис</i>	
Параллелизм в сокотрийской поэзии в свете северозападносемитской поэтической традиции	106
<i>О. А. Соколов</i>	
Версии происхождения франков в арабских источниках XIV–XVII вв.: между генеалогией и географией	109
<i>Д. Текаев</i>	
Дипломатический памятник поздних Сельджукидов: письмо султана Мухаммад-шаха II (1174–1187) из сборника <i>ал-Мухтарат мин ар-раса’ил</i>	112
<i>Д. М. Тимохин</i>	
Версии происхождения «камня дождя» в сочинении Мухаммада Нишапури (XII в.): к вопросу об историографической преемственности	115

<i>М. В. Торопыгина</i>	
Книжный рынок в Японии XVII века (на материале книго-торгового каталога 1670 года)	118
<i>С. В. Тхор</i>	
Свод законов <i>Хукум Канун Паханг</i> как источник по законодательству Паханга (XVI–XVII вв.)	121
<i>Е. В. Тюлина</i>	
<i>Пураны</i> об устных и письменных источниках своего текста	124
<i>М. В. Фролова</i>	
Персонаж низшей мифологии как литературная героиня в индонезийском романе «Моя девушка — куянг» Деви Нины Кираны (2011)	127
<i>С. З. Шейх</i>	
Манускрипт из конволюта ал-Малика ал-Афдала (ум. 1377): компендиум норм шāфи‘итского права	130
<i>В. Ю. Шелестин</i>	
Кто родил ребёнка? Гендер в хеттской сказке СТН 363	133
<i>А. А. Ясинский</i>	
Понятие <i>сё:сэцу</i> в трактате Цубоути Сё:ё: «Сущность романа» (1885–1886)	136
Наши авторы и редакторы	139

От редакторов

Ежегодная проблемно-методологическая конференция «Текстология и источниковедение Востока», которая проводится в Институте востоковедения РАН каждую осень в течение уже более полутора десятков лет, — не только плод нашей приверженности сложившейся традиции. Нет нужды напоминать, что на её заседаниях звучат доклады самого широкого круга востоковедов — от академиков до студентов, представляющих научные центры России и зарубежных стран и оперативно вводящих в научный оборот результаты своих исследований, посвящённых работе с конкретными письменными источниками на арабском, китайском, малайском, персидском, турецком, хинди, японском и других древних и современных восточных языках. Свидетельство тому — публикуемая ниже программа нынешней конференции и предлагаемые вашему вниманию тезисы докладов. Их число заметно выросло даже по сравнению с 2025 годом, что говорит, во-первых, о неизменной актуальности «классического» востоковедения, а во-вторых, о значительном росте престижа нашего научного форума. Его инициатором и организатором, как и прежде, выступает Отдел памятников письменности народов Востока Института востоковедения РАН.

Важнейшим фактором, способствующим популярности конференции «Текстология и источниковедение Востока», без сомнения, является семинар, носящий то же название. Его заседания проходят в Отделе памятников письменности народов Востока ИВ РАН дважды в месяц, в очном (офлайн) и дистанционном (онлайн) режимах одновременно, благодаря чему в работе нашего семинара могут участвовать

и следить за его ходом коллеги из других городов России и стран зарубежья. Важной особенностью семинара является отсутствие лимита времени, отведённого на доклад и его обсуждение, благодаря чему заявленная тема может быть раскрыта с максимальной глубиной и детализацией, сопоставимой с полноформатной научной статьёй, а также возможность представить на суд слушателей проект недавно начатой работы, выводы по которой автору ещё предстоит сформулировать.

В связи с упразднением серии «Труды ИВ РАН» публикация сборников статей по материалам докладов, прочитанных на наших конференциях и семинарах «Текстология и источниковедение Востока», будет продолжаться в составе новой серии «Письменное наследие Востока».

Л. В. Горяева, В. Н. Настич

Программа
XVI ежегодной
проблемно-методологической конференции
Текстология и источниковедение Востока

Организатор:
Отдел памятников письменности народов Востока ИВ РАН

Место проведения:
Рождественка 12, ИВ РАН, Москва, 19–21 октября 2026 г.

19 октября 2026, понедельник

Утреннее заседание. Комната 247. Начало в 11:00.
Председатель — Л. В. Горяева

Открытие конференции

Вступительное слово от Оргкомитета конференции

Пригарина Наталья Ильинична (ИВ РАН, Москва)

А. Шиммель об отношении Икбала к Хафизу (онлайн)

Рейснер Марина Львовна (ИСАА МГУ, Москва)

Удивительная «Хафизияна» в газелях Са'иба Исфакхани
(XVII в.): специфика организации текста

Илюшина Милана Юрьевна (ИВ РАН, Москва)

Трактаты для обучения мамлюкских всадников в рукописном
сборнике XIV в.

Соколов Олег Александрович (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Версии происхождения франков в арабских источниках
XIV–XVII вв.: между генеалогией и географией

Торопыгина Мария Владимировна (ИВ РАН, Москва)

Книжный рынок в Японии XVII века (на материале книго-
торгового каталога 1670 года)

Дневное заседание. Комната 247. Начало в 14:00.

Председатель — Л.Г.Лахути

Саитбатталов Искандер Расулович (Уфимский университет науки и технологий, Уфа)

«Четыре времени года» Мухаммада 'Али Чукури: пейзажная лирика или мистический комментарий?

Гордиенко Елена Витальевна (ИСАА МГУ, Москва)

Кхмерские повествования о духах местности (в сопоставлении с аналогичными вьетнамскими текстами) (онлайн)

Фролова Марина Владимировна (ИСАА МГУ, Москва)

Персонаж низшей мифологии как литературная героиня в индонезийском романе «Моя девушка – кьянг» Деви Нины Кираны (2011)

Овчинникова Мария Алексеевна (ИБ РАН, Москва)

К вопросу о переводе монгольской летописи XVIII в. «Течение Ганга» Гомбоджаба

Свенцис Антон (НИУ ВШЭ, Москва)

Параллелизм в сокотрийской поэзии в свете северозападно-семитской поэтической традиции

Прудников Виталий Владимирович (ИБ РАН, Москва)

Проблемы текстологии и перевода латинской хроники XII века: опыт работы с «Анонимом Ватиканским»

20 октября 2026, вторник

Утреннее заседание. Комната 247. Начало в 11:00.

Председатель — Д.В.Микульский

Микульский Дмитрий Валентинович (ИБ РАН, Москва)

Выдающиеся сыны Северной Африки (конец XIX – первая половина XX в.): Восток и Запад как факторы формирования личности. На основе трудов современных североафриканских ученых

Вдовин Сергей Сергеевич (ИВ РАН, Москва)

Правление первых Кунгратов согласно труду ‘Абдул-Карима Бухари

Новикова Валерия Вадимовна (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Транзит власти от мамлюков к османам в регионе аш-Шам: динамика этнических и географических категорий в арабских источниках XVI в.

Резаиуня Али (независимый исследователь, Иран)

Медицинские тексты Центральной Азии XVII века как исторический источник (контекстуальный анализ)

Руссу Константин Витальевич (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Хронология мамлюкских наместников провинции Алеппо в трудах арабских историков Средневековья

Текаев Динмухаммет (Туркменский государственный педагогический институт им. Сейитназара Сейди, Туркменабад)

Дипломатический памятник поздних Сельджукидов: письмо султана Мухаммад-шаха II (1174–1187) из сборника *ал-Мухтарат мин ар-раса’ил* (онлайн)

Мишин Дмитрий Евгеньевич (ИВ РАН, Москва)

Переписка Александра Македонского и Аристотеля в *Шах-наме* Фирдоуси (онлайн)

Дневное заседание. Комната 247. Начало в 14:30.

Председатель — М.В. Торопыгина

Матвеева Ольга Константиновна (ИВ РАН, Москва)

Когда возникает японская историография? Историческое сознание и историческое письмо в тексте хроники *Нихон сёки* (720)

Горшков-Кантакузен Владимир Александрович (Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования Минздрава России, Москва)

Визит Роберта Коха в Японию по данным рукописных источников, или что теряется при чтении газет

Ясинский Андрей Анатольевич (ИБ РАН, Москва)

Понятие сё:сэцу в трактате Цубоути Сё:ё: «Сущность романа»
(1885–1886)

Перерыв на чай (15 минут)

Шелестин Владимир Юрьевич (ИБ РАН, Москва)

Кто родил ребёнка? Гендер в хеттской сказке СТН 363

Выжлаков Максим Владимирович (Венский университет, Австрия)

Параллельный корпус 4ТВ и его применение на примере
проблемы прошедших времён в тохарском А языке (онлайн)

*Ишанханова Мухлисабону Тургуновна (Международная исламская
академия Узбекистана, Ташкент)*

Синтез классической традиции и европейской дидактики
в грамматическом трактате Ибн Фархата *Бахс ал-матāлиб
ва-ҳасс ат-тāлиб* (онлайн)

Иткин Илья Борисович (ИБ РАН, Москва)

Дхарма с вирамой: об одной группе восточнотохарских
рукописей

21 октября 2026, среда

Утреннее заседание. Комната 247. Начало в 11:00.

Председатель — С. В. Лахути

Тимохин Дмитрий Михайлович (ИБ РАН, Москва)

Версии происхождения «камня дождя» в сочинении
Мухаммада Нишапури (XII в.): к вопросу об историографиче-
ской преемственности

Тхор Светлана Вячеславовна (ИБ РАН, Москва)

Свод законов *Хукум Канун Паханг* как источник по законо-
дательству Паханга (XVI-XVII вв.)

Шейх София Захур (ВШЭ, Москва)

Манускрипт из конволюта ал-Малика ал-Афдала (ум. 1377):
компендиум норм шафи'итского права

Баранова Марина Сергеевна (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Паломничество как юридическая обязанность в системе иудейского и исламского права: сравнительный анализ (онлайн)

Закарияев Замир Шахбанович (Дагестанский государственный университет, Махачкала)

Арабоязычный список 1641 г. сочинения по мусульманскому праву *Канз ар-рағибйн* ал-Махалли из коллекции Дагестанского государственного университета (археографическое описание) (онлайн)

Османова Милена Нуриевна (ИИАЭ ДФИЦ РАН, Махачкала)

Арабографические старопечатные книги из фонда Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки ДГУ (онлайн)

Дневное заседание. Комната 247. Начало в 14:00.

Председатель — д.и.н. Д.В. Микульский

Чалисова Наталья Юрьевна (ВШЭ, Москва), Никитенко Евгения Леонидовна (ВШЭ, Москва)

Этос «содружества» (*ṣuḥbat*) и воспевание кумиров в суфийской поэме Хумама Табризи (XIII в.)

Лахути Лейли Гасемовна (ИБ РАН, Москва)

Са'адат-нама, поэма-маснави, приписываемая Насиру Хусраву: история публикации и первый русский перевод

Норик Борис Вячеславович (ИБ РАН, Москва)

К вопросу о переводе двух фрагментов из «Истории Персии» Дж. Малколма в *Тарих-е мунтазам-е Насири* И'тимада ас-Салтане

Тюлина Елена Валерьевна (ИБ РАН, Москва)

Пураны об устных и письменных источниках своего текста

Лахути София Валерьевна (ИБ РАН, Москва)

Мусульманские святые в текстах европейских путешественников: на материале путешествия в хаджж Р. Ф. Бертона

Розов Владимир Андреевич (СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Ни восточной, ни западной...»: коранические термины,
обозначающие стороны света

*Бельский Владимир Викторович (Московская духовная академия,
Москва)*

Пророк и царь: 'Прорицатель' (*ḥōzēʿ*) в ветхозаветных текстах
и древнееврейских обществах (онлайн)

Мрачковская Арина Витальевна (ИБ РАН, Москва)

«Хождение в пять индийских царств»: комментарии к переводу
источника

Заккрытие конференции

Продолжительность доклада — до 20 минут.

Обсуждение — по желанию докладчика
в пределах указанных 20 минут.

Стендовая секция

С текстовыми и видеoverсиями докладов можно ознакомиться на сайте Отдела памятников письменности народов Востока по следующей ссылке:

<https://ppnv.ivran.ru/conferences-tekstologiya-i-istochnikovvedenie-vostoka--2026>

Кроме того, в зале проведения конференции вывешены текстовые версии стендовых докладов:

*Валеев Рамиль Миргасимович (Казанский (Приволжский)
федеральный университет, Казань)*

Дневник тюркологической экспедиции Н. Ф. Катанова за 1891 г.:
структура и содержание

Мянд Виктория Александровна (МГПУ, Москва)

Место трактата *Кудэнсю* из антологии *Рёдзин Хисё*
в поэтической традиции Японии

*

*

*

М. С. Баранова
(СПбГУ)

**Паломничество как юридическая обязанность
в системе иудейского и исламского права:
сравнительный анализ¹**

Ключевые слова: *галаха*; ислам; иудаизм; паломничество; религиозное право; сакральное пространство; *фикх*

Настоящий доклад посвящен обсуждению результатов анализа классических источников иудейского (талмудическая и средневековая галахическая литература на языке иврит и арамейском языке) и исламского (литература фикха на арабском языке) права, рассматривающих различные аспекты нормативных практик, связанных с реализацией обязанности совершения паломничества.

В рамках доклада обсуждаются представленные в текстах указанных религиозных традиций правовые категории, в соответствии с которыми индивид признается обязанным совершить паломничество или освобождается от этой обязанности. Основное внимание при этом уделяется реконструкции и анализу ключевых, по мнению автора доклада, юридических принципов, отличающих описанные традиции и выступающих фундаментом, конструирующим специфические для каждой рассматриваемой традиции черты практик обязательного паломничества: представления о паломничестве как об обязанности, основанной на статусе субъекта (ислам), и представления о паломничестве

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-78-10027), <https://www.rscf.ru/project/24-78-10027/>

как о темпорально-ассоциированной обязанности (иудаизм). На основе предлагаемой реконструкции прослеживаются характеристики, позволяющие осмыслить практику обязательного паломничества в рамках юридических систем обеих религий и проследить ее место в общем комплексе религиозных предписаний.

В рамках обсуждения также демонстрируется потенциальное влияние указанных различий на идентичность носителей традиции и практики, связанные со взаимодействием носителей традиции с сакральными пространствами, включая практики сакрализации и ресакрализации. В завершении доклада обсуждается перспектива использования полученных результатов для рассмотрения религиозных практик в рамках материалов исторических и антропологических религиоведческих исследований.

Marina S. Baranova

(St. Petersburg State University)

Pilgrimage as a legal obligation in the system of Judaic and Islamic law: a comparative analysis¹

Keywords: *fiqh*; *halakha*; Islam; Judaism; pilgrimage; religious law; sacred space

This report is devoted to discussing the results of an analysis of classical sources of Judaic (Talmudic and medieval Halakhic literature in Hebrew and Aramaic) and Islamic (Fiqh literature in Arabic) law, considering various aspects of normative practices related to the implementation of the obligation of pilgrimage.

¹ The research was supported by Russian Science Foundation (project no. 24-78-10027), <https://rscf.ru/project/24-78-10027/>

The report discusses the legal categories presented in the texts of these religious traditions, according to which an individual is recognized as obligated to make a pilgrimage or is released from this obligation. The main attention is paid to the reconstruction and analysis of the key legal principles that, according to the author of the report, distinguish the described traditions and serve as the foundation that constructs the features of obligatory pilgrimage practices specific to each tradition under consideration: the idea of pilgrimage as an obligation based on the status of the subject (Islam), and the idea of pilgrimage as a time-bound obligation (Judaism). Based on the proposed reconstruction, the characteristics are traced that make it possible to comprehend the practice of obligatory pilgrimage within the framework of the legal systems of both religions and to trace its place in the general complex of religious precepts.

The discussion also demonstrates the potential impact of these differences on the identity of representatives of the relevant tradition and practices related to the interaction of representatives of the tradition with sacred spaces, including the practices of sacralization and resacralization. At the end of the report, the prospect of using the results obtained to examine religious practices within the framework of historical and anthropological religious studies is discussed.

В. В. Бельский

(Московская духовная академия)

Пророк и царь: ‘прорицатель’ (*ḥōzē^h*) в ветхозаветных текстах и древнееврейских обществах

Ключевые слова: Библия; ветхозаветный проретизм; Иудейское царство; ‘прорицатель’ (*ḥōzē^h*); Северное (Израильское) царство; храмовые пророки

В предлагаемом докладе будет рассмотрено функционирование древнееврейских пророков и прорицателей при царских дворе и святилище. Как известно, храмовые прорицатели широко представлены в различных культурах древнего Ближнего Востока и античности. В качестве одного из обозначений пророка в Еврейской Библии применяется лексема *ḥōzē^h* ‘прорицатель’. Указанный термин встречается в Ветхом Завете 16 раз, преимущественно в тех текстах, где речь идет о допленных монархиях. При этом в ряде библейских отрывков лексема *ḥōzē^h* поставлена в параллельном полуколоне с термином *nābî?*, собственно и означающем пророка (4 Цар 17:13; Ис 29:10, 30:10). С другой стороны, отрывок книги Паралипоменон (1 Пар 29:29) обнаруживает дифференцированный узус лексем *rōḇe^h* ‘провидец’ и *ḥōzē^h*. В таком случае замена одного термина другим может отражать развитие политических и религиозных институций при формировании древнееврейской государственности. Кроме того, дважды этот термин используется с атрибутом «царский» (*ḥōzē^h hammelek*, 1 Пар 25:5; 2 Пар 35:15). Подобный узус лексемы позволяет предположить принадлежность этой категории пророков к регулярным служителям, тесно связанным с царским двором. В пользу данной

гипотезы свидетельствуют как упоминания о произнесении пророчеств по инициативе монархов, так и указания на составление прорицателями придворных хроник. Исследование позволит уточнить место прорицателей в политической структуре древнееврейских монархий, а также вопрос о материальном обеспечении ветхозаветных пророков.

Vladimir V. Belsky

(Moscow Theological Academy)

Prophet and King: the ‘seer’ (*ḥōzē^h*) in Old Testament texts and ancient Hebrew societies

Keywords: Bible; Judean Kingdom; Nord (Israel) kingdom; Old Testament prophetism; ‘seer’ (*ḥōzē^h*); temple prophets

The proposed report will examine the functioning of the Hebrew **prophets and seers at the royal** court and sanctuary. As is known, temple diviners are widely represented in various cultures of the ancient Near East and antiquity. The lexeme *ḥōzē^h* ‘seer’ is used in the Hebrew Bible as one of the designations for a prophet. This term appears sixteen times in the Old Testament, predominantly in texts concerning the pre-exilic monarchies. Moreover, in a number of biblical passages, the lexeme *ḥōzē^h* appears in a parallel half-line with the term *nābî^l*, which specifically denotes a prophet (2 Kings 17:13; Isaiah 29:10, 30:10). On the other hand, a passage from the Book of Chronicles (1 Chron. 29:29) reveals a differentiated usage of the lexemes *rōṣē^h* ‘visionary’ and *ḥōzē^h*. In this case, the replacement of one term with another may reflect the development of political and religious institutions during the formation of Hebrew statehood. Furthermore, the term is used twice with the attribute “royal” (*ḥōzē^h ham-melek*; 1 Chron. 25:5; 2 Chron. 35:15). Such usage suggests that

this category of prophets belonged to the class of regular functionaries closely associated with the royal court. This hypothesis is supported by evidence of prophecies being delivered at the behest of monarchs, as well as indications that seers compiled court chronicles. The study will help clarify the role of seers within the political structure of ancient Hebrew monarchies and shed light on the material support provided to Old Testament prophets.

Р. М. Валеев, Д. Е. Мартынов, Ю. А. Мартынова
(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

**Дневник тюркологической экспедиции
Н. Ф. Катанова за 1891 г.: структура и содержание**

Ключевые слова: востоковедение; источниковедение; научные путешествия; Н. Ф. Катанов; Синьцзян; тюркология

С 2013 г. коллектив авторов (Ю. А. Мартынова, Р. М. Валеев, Д. Е. Мартынов) проводит работу по транскрибированию, исследованию и факсимильной публикации полевых дневников выдающегося тюрколога, первого учёного-хакаса Н. Ф. Катанова (1862–1922). Материалы хранятся в Госархиве Республики Татарстан и относятся к экспедиции Русского географического общества 1889–1892 гг. «для исследования остатков тюркских племён». В историографии представлены публикации этой экспедиции: путешествия по Туве выпущены в 2010 г. в Кызыле тувинскими исследователями; дневник путешествия по Хакасии и Синьцзяне — в 2017 г. указанным авторским коллективом Валеева — Мартыновых. Готовится факсимильная публикация второго тома.

Архивное дело (559 листов) включает предисловие и дневниковые записи с 24 февраля по 26 августа 1891 г., текст обрывается на 559 листе. Основное содержание дневника — фольклор, а не события повседневности. В предисловии Н. Ф. Катанов перечислил десять информантов; фактически по тексту упоминаются двенадцать, из них шестеро указаны в предисловии. Наиболее продуктивны наёмные сотрудники каравана и люди, обеспечивавшие постои.

Сплошной просмотр рукописи дал следующие результаты: сказок — 27 единиц; песен и стихов — 14; пословиц — около 440 (в предисловии указано 390); загадок — 3; толкований снов — 33; статей об обычаях и обрядах — 32 (в предисловии 24); исторических преданий — 8; биографий — 2. Расхождения объясняются тем, что предисловие содержит первичный подсчёт, а также тем, что часть материалов (казахских рассказчиков, одна биография) не учтена автором или утрачена.

Материалы публикации могут служить путеводителем по содержанию рукописи и ориентиром для исследователей фольклора и устной истории тюркских народов поздней эпохи Цин. Сведения об информантах заслуживают отдельной аналитической публикации.

Ramil M. Valeev, Dmitry E. Martynov, Yulia A. Martynova
(Kazan (Volga Region) Federal University)

The diary of N. F. Katanov's turkological expedition of 1891: structure and content

Keywords: N. F. Katanov; oriental studies; scientific travels; source study; Turkology; Xinjiang

Since 2013, a team of authors (Yu. A. Martynova, R. M. Valeev, D.E. Martynov) has been working on the transcription, study, and facsimile publication of the field diaries of N. F. Katanov (1862–1922), a distinguished Turkologist and the first scholar of Khakass origin. These materials are housed in the State Archive of the Republic of Tatarstan and relate to the 1889–1892 Russian Geographical Society expedition “to study the remnants of Turkic tribes.” Materials from this expedition have already been discussed in the scholarly literature: accounts of the travels in Tuva

were published in 2010 in Kyzyl by Tuvan researchers, while the diary covering travels in Khakassia and Xinjiang was published in 2017 by the same team of Valeev and Martynov. A facsimile edition of the second volume is currently in preparation.

The archival file (559 leaves) comprises a preface and diary entries spanning from February 24 to August 26, 1891; the text breaks off at leaf 559. The diary's primary content consists of folklore rather than accounts of daily events. In the preface, N.F. Katanov lists ten informants; however, the text actually mentions twelve, six of whom are named in the preface. The most productive informants were members of the caravan's hired staff and people who provided lodging.

A comprehensive review of the manuscript yielded the following results: 27 folktales; 14 songs and poems; approximately 440 proverbs (the preface cites 390); 3 riddles; and 33 dream interpretations. There are 32 articles on customs and rituals (24 according to the preface); historical legends 8; biographies 2.

These discrepancies arise because the preface contains only a preliminary count, and because some materials (accounts from Kazakh storytellers, one biography) were either overlooked by the author or lost.

The published materials can serve as a guide to the manuscript's contents and a reference point for researchers of the folklore and oral history of Turkic peoples during the late Qing period. The information regarding the informants warrants a separate analytical study.

С. С. Вдовин
(ИВ РАН)

Правление первых Кунгратов согласно труду Абдул-Карима Бухари

Ключевые слова: Абдул-Карим Бухари; источник; Кунграты; Хивинское ханство; Хорезм

Основным источником по времени правления первых Кунгратов, ханов Эльтузара (1804–1806) и Мухаммад-Рахима I (1806–1825), является хроника «Райский сад преуспевания» (*Firdaws al-iqbāl*), созданная по заказу самих хивинских государей. В связи с этим особой ценностью обладает труд Абдул-Карима Бухари (ум. после 1830 г.), побывавшего в составе бухарского посольства в Хиве в начале XIX в. Его труд — написанный на персидском языке и изначально безымянный, а впоследствии получивший название «Истории Центральной Азии...», — предоставляет важный для исследователя внешний взгляд на события хорезмской истории соответствующего периода.

Автор приводил новые подробности внутриполитической ситуации в Хивинском ханстве накануне и сразу после отстранения от власти марионеточных ханов Чингисидов в 1804 г. Бухари описывал повседневность последних, перечислял меры, предпринятые Эльтузаром для предания собственному правлению легитимного характера, и сообщал о восприятии хивинской элитой политических изменений, инициированных Кунгратами.

В «Истории Центральной Азии...» излагается и частично иная версия хивино-бухарского противостояния 1806 г.,

включая мотивы конфликтовавших сторон, описание отдельных сражений и гибели Эльтузара. Примечательны и наблюдения, сделанные автором относительно ряда хивинских чиновников, в том числе диванбеги и инака, что расширяет представление ученых об административной системе ханства. Эти и некоторые другие особенности правления первых Кунгратов, приводимые в труде Абдул-Карима Бухари, планируется рассмотреть в рамках данного доклада.

Sergei S. Vdovin

(Institute of Oriental Studies RAS)

**The rule of the first Qungrats
according to the work of Abd al-Karim Bukhari**

Keywords: Abd al-Karim Bukhari; Khiva Khanate; Khwarazm; Qungrats; source

The main source for the reign of the first Qungrat khans, Eltuzar (1804–1806) and Muhammad Rahim I (1806–1825), is the chronicle “The Paradise of Prosperity” (*Firdavs ul-iqbol*). It was created by order of the Khivan sovereigns themselves. In this regard, the work of Abd al-Karim Bukhari (died after 1830) is of particular value. As a member of the Bukharan embassy the author visited Khiva at the beginning of the 19th century. His work — written in Persian and initially unnamed — was later called “History of Central Asia...”. It provides an important external view of the events of the Khwarazm history of the corresponding period.

The author provides new details of the internal political situation in the Khiva Khanate on the eve of and immediately after the removal of the Genghisid puppet khans from power in 1804. Bukhari describes their daily life, lists the measures taken by

Eltuzar to legitimize his own rule, and shows the reaction of the Khivan elite to these political changes.

“History of Central Asia...” presents a partially different version of the Khivan-Bukharan confrontation of 1806. It includes the motives of the conflicting parties, a description of battles and the death of Eltuzar. The author makes observations regarding a number of Khivan officials, including divanbegi and inaq, which expands our understanding of the administrative system of the khanate. Within the framework of this report, we would like to draw attention to these and some other features of the reign of the first Qungrats, given in the work of Abd al-Karim Bukhari.

М. В. Выжлаков
(Венский университет)

Параллельный корпус 4ТВ и его применение на примере проблемы прошедших времён в тохарском А языке

Ключевые слова: аорист; древнеуйгурский; имперфект;
Майтреясамити-натака; параллельный корпус; претерит; тохарский А; *Maitrisimit nom bitig*

Целью доклада является презентация нового параллельного лингвистического корпуса, разрабатываемого в рамках проекта «4ТВ: The Transmission and Transformation of Texts in the Tarim Basin» и ожидающего скорой публикации. Ядром корпуса 4ТВ являются параллельные фрагменты монументального произведения о встрече с Буддой Майтреей, известного по тексту, написанному на тохарском А языке (*Maitreyasamiti-Nāṭaka*), и по его переводу на древнеуйгурский идиом древнетюркского языка (*Maitrisimit nom bitig*). Доклад разделён на две части. Первая посвящена демонстрации корпуса, его структуры, интерфейса и доступных пользователям инструментов, включающих различные режимы текстового поиска и встроенные словари. Отличительной особенностью корпуса является его динамический характер. Интерфейс 4ТВ позволяет как редактировать уже опубликованные текстовые и лексикографические данные, так и добавлять новые (в т.ч. с использованием автоматической токенизации и лемматизации, а также генерации словоформ с грамматической информацией) в режиме онлайн. Проект содержит большой потенциал для совместной работы над материалом между специалистами в области

тохаристики и тюркологии. В более отдалённой перспективе возможно и использование платформы или исходного кода корпуса другими исследователями для отдельных проектов. Вторая часть доклада показывает применение инструментария корпуса, а именно многоязычного поиска по грамматическим категориям, к одной из важнейших проблем грамматики тохарского А — соотношению двух прошедших времён: имперфекта и претерита. Приводятся предварительные данные анализа того, в какой степени употребление этих тохарских А времён соотносится с употреблением претерита, аориста и иных глагольных форм и конструкций в древнеуйгурских параллелях.

Maksim V. Vyzhlakov

(University of Vienna)

The 4TB parallel corpus and its application to the problem of past tenses in Tocharian A

Keywords: aorist; imperfect; *Maitreyasamiti-Nāṭaka*, *Maitrisimit nom bitig*; Old Uyghur; parallel corpus; preterite; Tocharian A

The aim of this contribution is to present a new parallel linguistic corpus, developed within the framework of the project *4TB: The Transmission and Transformation of Texts in the Tarim Basin* and expected to be published shortly. At the core of the 4TB corpus are parallel fragments of a monumental work concerning the encounter with the Buddha Maitreya, known from a text written in the Tocharian A language (*Maitreyasamiti-Nāṭaka*) and its translation into the Old Uyghur idiom of Old Turkic (*Maitrisimit nom bitig*). The contribution is divided into two parts. The first is devoted to a demonstration of the corpus, its structure, interface, and the tools available to users, including various types of text

search and integrated dictionaries. A distinctive feature of the corpus is its dynamic nature. The 4TB interface makes it possible both to edit previously published textual and lexicographical data and to add new data online (including possibilities of automatic tokenization and lemmatization, as well as the generation of word forms with grammatical information). The project offers considerable potential for collaborative work on the material by specialists in Tocharian and Turkic studies. In the longer term, other researchers may also be able to use the corpus platform or its source code for their own projects. The second part of the contribution demonstrates the application of the corpus tools, specifically multilingual searching by grammatical categories, to one of the major problems of Tocharian A grammar: the relationship between its two past tenses, the imperfect and the preterite. It includes the preliminary results of an analysis of the extent to which the use of these Tocharian A tenses corresponds to the use of the preterite, aorist, and other verbal forms and constructions in the Old Uyghur parallels.

Е. В. Гордиенко
(ИСАА, РГГУ)

**Кхмерские повествования о духах местности
(в сопоставлении с аналогичными
вьетнамскими текстами)**

Ключевые слова: агиография; Вьетнам; духи местности; Камбоджа; народная религия

В рамках исследования культа вьетнамских духов местности (*thành hoàng*) и текстов о них (*thần tích*) мы обратились к схожему материалу у кхмеров — повествованиям о *неак-та* (អ្នកតា). Сопоставление двух традиций позволяет подчеркнуть новые грани вьетнамских житийных текстов, а также по-новому оценить влияние китайской и индийских культур на народную религию вьетов и кхмеров.

Кхмерские повествования о духах местности — преимущественно устная традиция. В 1972 г. ряд текстов был опубликован Буддийским институтом Камбоджи. Мы рассматриваем их в переводе на французский язык (Alain Forest. *Le culte des genies protecteurs au Cambodge. Analyse et traduction d'un corpus de textes sur le neak ta*. — Paris: L'Harmattan, 1992). Особый интерес вызывают тексты о духах кхмерских деревень, расположенных в дельте Меконга на территории современного Вьетнама.

Прежде всего, кхмерские тексты по содержанию и структуре подчиняются законам агиографического жанра — дух совершает чудеса («этот *неак-та* обладал огромной магической силой») или чрезвычайно благие деяния («они стали богатыми и могущественными, но продолжали помогать

голодающим»), благодаря чему становится объектом почитания, и текст призван объяснить его святость. Вместе с тем источником повествований являются интервью со старожилами деревень, настоятелями буддийских монастырей, сотрудниками Буддийского института, тогда как вьетнамские тексты редактировались и утверждались при императорском дворе.

Таким образом, кхмерские тексты описывают низовые религиозные практики; вьетнамские же жития конструируют «имперскую» религию, созданную во Вьетнаме по китайским образцам. Яркий пример — описание оборотничества в кхмерском тексте: добрый правитель превращается в крокодила, чтобы победить крокодила, пожирающего людей (ездовое животное его брата-антагониста).

Принципиальное отличие от вьетнамской традиции заключается в том, что у большинства *неак-та* есть медиум *рун* (𑜋𑜰𑜫 — от санскр. ॠण, букв. 'форма, материя'), через которого жители местности общаются с духом.

Elena V. Gordienko

(Institute of Asian and African Studies, Moscow State University;
Russian State University for the Humanities)

Khmer narratives of local spirits (compared with similar Vietnamese texts)

Keywords: Cambodia; folk religion; hagiography; local spirits; Vietnam

As part of our study of the cult of Vietnamese tutelary deities (*thành hoàng*) and texts about them (*thần tích*), I turned to similar material of the Khmer — narratives of the *neak-ta* (ង៉ែកតា). Comparing the two traditions allows us to highlight new facets of

Vietnamese hagiographic texts and to reassess the influence of Chinese and Indian cultures on Viet and Khmer folk religion.

Khmer narratives about local spirits are primarily an oral tradition. In 1972, a number of texts were published by the Buddhist Institute of Cambodia. We examine them in their French translation (*Alain Forest*. The cult of the geniuses protecteurs of Cambodia. Analysis and translation of a corpus of texts on the *neak-ta*. L'Harmattan, Paris, 1992). The texts about the spirits of Khmer villages located in the Mekong Delta in what is now Vietnam are of particular interest for me.

First of all, the Khmer texts, in content and structure, adhere to the laws of the hagiographic genre: the spirit performs miracles ("this *neak-ta* possessed enormous magical powers") or extremely beneficial deeds ("they became rich and powerful, but continued to help the starving"), thereby becoming an object of veneration, and the text is intended to explain its sanctity. At the same time, the narratives are based on interviews with village elders, abbots of Buddhist monasteries, and staff of the Buddhist Institute, while the Vietnamese texts were edited and approved at the imperial court.

Thus, Khmer texts describe grassroots religious practices, while Vietnamese hagiographies construct an "imperial" religion created in Vietnam based on Chinese models. A striking example is the description of shapeshifting in a Khmer text: a good ruler transforms into a crocodile to defeat a man-eating crocodile (the vehicle and even the mount of his antagonist brother).

The fundamental difference from the Vietnamese tradition is that most *neak-ta* have a medium, a *rup* (រូប — from Sanskrit रूप 'form, matter'), through which the local inhabitants communicate with the deity.

В. А. Горшков-Кантакузен

(Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования Минздрава России)

Визит Роберта Коха в Японию по данным рукописных источников, или что теряется при чтении газет

Ключевые слова: дневник; источник информации; Кох; святилище; храм

Визит Роберта Коха (1843–1910), немецкого бактериолога и одного из основоположников бактериологии, в Японию в 1908 году продолжался 74 дня и охватил Токио, Никко, Камакуру, Исэ, Нару, Киото и другие города. Несмотря на значительное количество исследований, посвящённых этой поездке, существующая историография преимущественно опирается на газетные публикации. Настоящее исследование существенно дополняет известную картину визита за счёт ранее не привлекавшихся рукописных источников, выявленных автором в ходе полевого исследования в Японии: записей храмов и святилищ, документов Архива Императорского двора и воспоминаний участников поездки. Эти материалы позволяют не только уточнить маршрут и программу путешествия, но и выявить ряд событий, не отражённых в опубликованных источниках. Так, в Никко супругам Кох была проведена специальная служба в Тосё-гу и предоставлен доступ во внутреннее священное пространство главного зала, а сам Кох посетил Ринно-дзи, где ему показали мавзолей Тайю-ин. В Исэ сохранилась запись об особом поклонении супругов в Исэ-дзингу (Найку), причём Хедвиг Кох (1872–1945), супруга учёного, отмечала исключительность предоставленного им доступа к святыне.

Сопоставление различных источников позволяет также уточнить обстоятельства взаимоотношений Коха с сопро-вождавшими его японскими учёными. В частности, воспо-минания Сига Киёси (1871–1957), японского бактериолога и ученика Коха через Китасато Сибасабуру (1853–1931), и Хедвиг Кох предлагают различные интерпретации кон-фликта, в результате которого Сига прервал путешествие. Таким образом, введение в научный оборот дневников хра-мов и святилищ, архивных документов и воспоминаний оче-видцев позволяет существенно расширить представления о путешествии Роберта Коха по Японии и демонстрирует зна-чимость рукописных источников для реконструкции исто-рических событий.

Vladimir A. Gorshkov-Cantacuzene
(Russian Medical Academy of Continuous
Professional Education)

Robert Koch's visit to Japan according to manuscript sources, or what gets lost when reading newspapers

Keywords: diary; Koch; shrine; source of information; temple

The visit to Japan in 1908 by Robert Koch (1843–1910), a German bacteriologist and one of the founders of bacteriology, lasted 74 days and took in Tokyo, Nikkō, Kamakura, Ise, Nara, Kyoto and other cities. Despite the considerable number of stud-ies devoted to this trip, the existing historiography relies pre- dominantly on newspaper reports. This study substantially sup-plements the established account of the visit by drawing on pre-viously unutilised manuscript sources identified by the author during field research in Japan: records from temples and shrines, documents from the Imperial Household Archives, and the

memoirs of those who took part in the journey. These materials not only enable us to clarify the itinerary and programme of the journey, but also to uncover a number of events not recorded in published sources. For instance, in Nikkō, a special service was held for the Koh couple at Tōshō-gū and they were granted access to the inner sacred precinct of the main hall, whilst Koh himself visited Rinnō-ji, where he was shown the Taiyū-in mausoleum. In Ise, there is a record of the couple's special worship at Ise-jingū (Naikū); indeed, Hedwig Koch (1872–1945), the scholar's wife, noted the exceptional nature of the access they were granted to the shrine. A comparison of various sources also allows us to clarify the nature of Koch's relationship with the Japanese scientists who accompanied him. In particular, the memoirs of Shiga Kiyoshi (1871–1957), a Japanese bacteriologist and a student of Koch via Kitasato Shibasaburō (1853–1931), and those of Hedwig Koch offer differing interpretations of the conflict that led to Shiga leaving the expedition. Thus, the incorporation into scholarly discourse of the diaries of temples and shrines, archival documents and eyewitness memoirs significantly broadens our understanding of Robert Koch's journey through Japan and demonstrates the importance of manuscript sources for reconstructing historical events.

3. Ш. Закарияев

(Дагестанский государственный университет)

Арабоязычный список 1641 г. сочинения по мусульманскому праву *Канз ар-рāғибйн* ал-Маҳаллй из коллекции Дагестанского государственного университета (археографическое описание)

Ключевые слова: археография; Дагестанский университет; *Канз ар- рāғибйн*; колофон; ал-Маҳаллй; маргиналии; рукопись 1641 г.

Сочинения египетского богослова Джалал ад-Дина ал-Махалли (ум. 1459) пользовались большой популярностью в Дагестане. Особую известность получил его знаменитый труд по мусульманскому праву *Канз ар-рағибин*, представляющий собой комментарий на сочинение *Минхадж ат-талибин* имама ан-Навави. В Дагестане выявлено большое количество рукописных списков труда ал-Махалли, хранящихся в государственных, частных и примечетских коллекциях, причем подавляющее большинство этих списков переписано дагестанскими переписчиками.

К числу наиболее старых дагестанских экземпляров *Канз ар-рағибин* относится список из рукописного собрания Научной библиотеки им. А.А. Абилова Дагестанского гос. университета. Он переписан в месяце зу-л-ка‘да 1050 г. хиджры, что соответствует 12.02 – 13.03.1641 г. Объемная рукопись крупного формата сохранилась полностью, начиная с титульного листа. Имеется поздняя (архивная) постраничная пагинация, кустоды. Чернила черные, а также коричневые, красные, зеленые. Многочисленные глоссы. Рукопись начинается

с раздела *Китаб ат-тахара* о ритуальной чистоте и завершается разделом *Китаб уммахат ал-авлад*. В конце рукописи имеется богатый информативный колофон с указанием даты, а также имени переписчика — Мухаммад б. ‘Алишах б. Мухаммад б. ‘Абд ар-Рахман ал-Кумуки. Нисба указывает на происхождение из с. Кумух (ныне райцентр Лакского района Дагестана) — одного из крупных политических и духовных центров средневекового Дагестана. Согласно записи в колофоне, книга была переписана в медресе «нашего наставника» муллы Сулаймана б. Муса аш-Шали, который отмечен многими пышными эпитетами. Нисба руководителя медресе обозначает лакское с. Шали (ныне в Чародинском районе). В данной записи — самое раннее письменное упоминание этого селения.

Представляют интерес ценные маргиналии рукописи, включающие как читательские, так и актовые записи.

Zamir Sh. Zakariyaev

(Daghestan State University)

**An Arabic-language manuscript (dated 1641) of
Kanz al-Rāghibīn — a treatise on Islamic law by al-Maḥallī
from the collection of Daghestan State University
(archeographic description)**

Keywords: archaeography; colophon; Daghestan State University; *Kanz al-Rāghibīn*; al-Maḥallī; marginalia; 1641 manuscript

The works of the Egyptian theologian Jalal al-Din al-Mahalli (d. 1459) enjoyed great popularity in Daghestan. His renowned treatise on Islamic law, *Kanz al-Raghibin* — a commentary on Imam al-Nawawi’s *Minhaj al-Talibin* — achieved particular fame. A large number of manuscript copies of al-Mahalli’s work have

been identified in Daghestan, held in state, private, and mosque-based collections; the vast majority of these copies were transcribed by Daghestani scribes.

One of the oldest Daghestani copies of *Kanz al-Raghibin* is found in the manuscript collection of the A. A. Abilov Scientific Library at Daghestan State University. It was transcribed in the month of Dhu al-Qa'dah 1050 AH (corresponding to February 12 – March 13, 1641). This large-format, voluminous manuscript has survived intact, beginning with the title page. It features later (archival) pagination and catchwords. The text employs black, brown, red, and green inks and contains numerous marginal glosses. The manuscript opens with the *Kitab al-Taharah* «Book of Ritual Purity» and concludes with the *Kitab Ummahat al-Awlad* «Book of Mothers of Children». At the end of the manuscript, there is a rich, informative colophon indicating the date and the name of the scribe: Muhammad b. 'Alishah b. Muhammad b. 'Abd al-Rahman al-Kumuki. The *nisba* (attributive name) indicates his origin from the village of Kumukh — now the administrative center of the Laksky District of Daghestan and formerly a major political and spiritual center of medieval Daghestan. According to a colophon entry, the book was transcribed at the madrasa of "our mentor," Mulla Sulayman b. Musa al-Shali, who is described using numerous flowery epithets. The madrasa head's *nisba* refers to the Lak village of Shali (located in the present-day Charodinsky District). This entry constitutes the earliest written mention of the village.

The manuscript also contains noteworthy marginalia, comprising both reader annotations and records of a legal or documentary nature.

М. Ю. Илюшина
(ИВ РАН)

Трактаты для обучения мамлюкских всадников в рукописном сборнике XIV в.¹

Ключевые слова: арабская рукописная книга; Египет; история; *фурусийа*; черкесские мамлюки

Рукописный сборник Fatih 3512, в который вошли три трактата, предназначенные для обучения мамлюков — воинов, составлявших основную часть армии и политической элиты Египта и Сирии в XIII–XVI вв., был составлен для Бахадур аш-Шихаби (ум. в 1399 г.), командира элитного подразделения мамлюков при черкесском султানে аз-Захире Баркуке (1382–1389; 1390–1399).

Два сочинения, вошедшие в сборник, посвящены военному делу. Это «*Фурусийа на пути джихада...*» с детальным описанием приемов копейного боя, и «Подарок воинам...», в котором даны схемы движения войска с соответствующими комментариями. Оба трактата относятся к числу классических сочинений по *фурусийи* и при копировании часто объединялись в одну книгу. Известно не менее шести рукописей мамлюкской эпохи, включающих оба этих трактата. Но только в сборник, принадлежавший Бахадuru аш-Шихаби, который возглавлял военные школы-казармы в каирской Цитадели и нес ответственность за воспитание и обучение личных мамлюков аз-Захира Баркука, помещено еще одно сочинение — «Истории султанов Египта».

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00869-П,
<https://ias.rscf.ru/user/doc/a.w.p.2026.5080.main/29071751>

Известные описания каирских школ-казарм (*тибаков*) не упоминают об историческом разделе в «программе» обучения мамлюков. Состав рукописи Fatih 3512, а также наличие иных сочинений, содержащих очень краткий обзор истории правления мамлюкских султанов и написанных в стилистике, схожей с «Историями...» из Fatih 3512, позволяет поставить вопрос о том, что узнавали молодые рабы о своих предшественниках, завладевших одной из самых могущественных держав средневекового Ближнего Востока, как формировалось историческое сознание будущей военной и политической элиты, которая должна была стать опорой могущества и безопасности черкесских султанов.

Milana Yu. Iliushina

(Institute of Oriental Studies RAS)

Treatises for training Mamluk horsemen in a 14th century manuscript¹

Keywords: Arabic manuscript codex; Circassian Mamluks; Egypt; *furusiyah*; history

The manuscript Fatih 3512, which comprises three treatises intended for the training of the Mamluks — the warrior class that constituted the core of the army and the political elite of Egypt and Syria from the 13th to the 16th centuries — was compiled for Bahadur al-Shihabi (d. 1399), a commander of an elite Mamluk unit under the Circassian sultan al-Zahir Barquq (r. 1382–1389; 1390–1399).

¹ The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 23-18-00869-II),
<https://ias.rscf.ru/user/doc/a.w.p.2026.5080.main/29071751>

Two of the works included in the collection are devoted to military matters. These are «*Furūsiyah* on the Path of Jihād...», which provides a detailed account of lance-fighting techniques, and «A Gift to the Warriors...», which contains diagrams of troop movements accompanied by corresponding commentaries. Both treatises belong to the classical corpus of *furūsiyyah* literature and were frequently copied together as a single volume. At least six manuscripts dating from the Mamluk period are known to contain both texts. However, it is only in the collection belonging to Bahadur al-Shihabi who oversaw the military barracks-schools (*tibāq*) in the Cairo Citadel and bore responsibility for the education and training of al-Zahir Barquq's personal Mamluks — that a third work, “The Histories of the Sultans of Egypt”, is also included.

Extant descriptions of the Cairo barracks-schools make no mention of a historical component in the Mamluk educational curriculum. The composition of the manuscript Fatih 3512, together with the existence of other works that provide very brief overviews of the reigns of the Mamluk sultans and are written in a style similar to the “Histories...” in Fatih 3512, allows us to pose the following questions: what did young slaves learn about their predecessors who had come to wield power over one of the most formidable states of the medieval Middle East? And how was the historical consciousness of the future military and political elite — destined to become the mainstay of the Circassian sultans' power and security — shaped and developed?

И. Б. Иткин
(ИВ РАН)

**Дхарма с вирамой:
об одной группе восточнотохарских рукописей**

Ключевые слова: *вирама*; графические приемы; палеография; письмо брахми; тохарский А язык

В корпусе тохарских А (восточнотохарских) текстов выделяется группа рукописей, найденных в восточной части территории распространения тохарского А языка — в пещерных монастырских комплексах Муртук, Сенгим и Хочо. Эти рукописи написаны характерным «квадратным» почерком, делающим их трудноотличимыми друг от друга. Самая большая из этих рукописей — А 384-386 из Муртука (три идущих подряд целиком сохранившихся листа) — еще в 1961 г. была идентифицирована Т. Инокучи как тохарский комментарий к трактату Скандхилы *Abhidharmāvatāra-prakaraṇa*. Прочие фрагменты слишком малы для однозначного отождествления (по крайней мере, на данный момент), но для части из них принадлежность к литературе *Абхидхармы* также вполне вероятна.

Эту группу рукописей отличает замечательная графическая особенность, ранее не привлекавшая внимания исследователей. Тохарские тексты написаны разновидностью индийского письма, известного как «наклонное брахми». В этом письме для обозначения конечного согласного или группы согласных (т.е. для указания на отсутствие на конце слова гласного *a*) используется особый штрих — *вирама*. В тохарских рукописях имеются и примеры написания *вирамы* внутри слова, однако почти все они представляют

собой либо технический способ избежать написания громоздкой трех- или более элементной лигатуры, либо просто ошибки. В рукописях же, о которых идет речь, внутрисловная *вирама* последовательно ставится на конце основы *mārkampal*:- тохарское А слово *mārkampal* служит переводом санскритского *dharma*-, передавая тот же круг значений (в первую очередь — «религиозный закон» и «сущность, элемент мироустройства»).

Предлагаемое в докладе объяснение данного феномена состоит в том, что рассматриваемая группа рукописей написана выучениками одной и той же писцовой школы, которым такое использование внутрисловной вирамы было преподано как сознательный графический прием, зрительно выделяющий в тексте ключевое для буддийской литературы понятие «*дхарма*».

Ilya B. Itkin

(Institute of Oriental Studies RAS)

***Dharma with a Virāma:*
on a group of Eastern Tocharian manuscripts**

Keywords: Brahmi script; graphic devices; palaeography; Tocharian A language; *virāma*

Within the corpus of Tocharian A (Eastern Tocharian) texts, a distinct group of manuscripts can be singled out. These were found in the eastern part of the Tocharian A-speaking area — in the cave monastery complexes of Murtuk, Sengim, and Khocho. These manuscripts are characterized by a distinctive "square" handwriting, which makes them difficult to distinguish from one another. The largest of these manuscripts — A 384–386 from Murtuk (three consecutive fully preserved folios) — was

identified as early as 1961 by T. Inokuchi as a Tocharian commentary on Skandhila's *Abhidharmāvatāra-prakaraṇa*. The remaining fragments are too small for unambiguous identification (at least at present), but for some of them, a connection with *Abhidharma* literature is also highly probable.

This group of manuscripts exhibits a remarkable graphic feature that has not previously attracted scholarly attention. Tocharian texts are written in a variety of the Indian script known as "slanting Brāhmī". In this script, a special stroke — the *virāma* — is used to denote a final consonant or consonant cluster (i.e., to indicate the absence of the inherent vowel *a* at the end of a word). Tocharian manuscripts also contain examples of the *virāma* used word-internally, but almost all of these either represent a technical device to avoid writing a cumbersome three-element or larger ligature, or are simply scribal errors. In the manuscripts under discussion, however, the word-internal *virāma* is consistently placed at the end of the stem *mārkampal*:- the Tocharian A word *mārkampal* serves as a translation of Sanskrit *dharma*-, conveying the same range of meanings (primarily "religious law" and "essential element of the world structure").

The explanation proposed in the present paper for this phenomenon is that the manuscripts in question were written by students of the same scribal school, who were taught this use of the word-internal *virāma* as a deliberate graphic device intended to visually highlight in the text the key Buddhist concept of *dharma*.

М. Т. Ишанханова

(Международная исламская академия Узбекистана)

**Синтез классической традиции и европейской
дидактики в грамматическом трактате
Ибн Фархата *Баҳс ал-матъалиб ва-ҳасс ат-тâлиб***

Ключевые слова: арабская грамматика; *Баҳс ал-матъалиб*; дидактика арабского языка; Ибн Фархат; история языкознания; *ан-Наҳда*; *тайсър ан-наҳв*

Труд маронитского филолога и епископа Ибн Фархата (1670–1732) *Баҳс ал-матъалиб ва-ҳасс ат-тâлиб* «Исследование вопросов и побуждение ищущего» представляет собой ключевой поворотный этап в истории арабского языкознания периода, предшествовавшего Арабскому Возрождению (*ан-Наҳда*). До XVIII века изучение арабской грамматики (*наҳв*) основывалось на сложных средневековых канонах и разветвлённой системе абстрактных комментариев (*шурӯҳ*), что существенно затрудняло практическое усвоение языка.

В данном исследовании анализируются теоретические и педагогические воззрения Ибн Фархата, направленные на упрощение грамматического описания (*тайсър ан-наҳв*), а также оценивается его роль в адаптации классической арабской лингвистической традиции к новым образовательным и социокультурным реалиям. В своём трактате Ибн Фархат впервые систематически исключил из грамматического описания громоздкую схоластическую терминологию, абстрактные теоретические споры и гипотетические конструкции, сосредоточившись на функционально-коммуникативном аспекте языка.

Им была внедрена прозрачная структурная иерархия — разделение материала на главы (*баҳс*) и параграфы (*маълаб*), использование наглядных таблиц и детальных оглавлений (*фихрист*), что отразило влияние европейской дидактической традиции. При этом автор сохранил базовые категории классической арабской лингвистики, изложив их в лаконичной и доступной форме, сделав грамматику доступной для широкого круга обучающихся, включая неарабоязычную аудиторию и арабов-христиан.

Труд *Баҳс ал-маъāлиб* заложил методологические основы концепции *тайсīр ан-наҳв*, став предвестником масштабных языковых реформ XIX века в трудах Н. ал-Йазиджи, Ф. аш-Шидйака и Б. ал-Бустани. Анализ работы показывает, что модернизация арабской грамматической мысли началась не с полного разрыва с классической традицией, а с её селективной адаптации и структурно-функциональной переработки, определившей развитие арабской филологии на два столетия вперёд.

Mukhlisabonu T. Ishankhanova

(International Islamic Academy of Uzbekistan)

**Synthesis of the classical tradition and European
didactics in Ibn Farḥāt's grammatical treatise
*Baḥṭ al-maʿālib wa-ḥaṭṭ al-tālib***

Keywords: Arabic grammar; Arabic language didactics; *Baḥṭ al-maʿālib*; history of linguistics; Ibn Farḥāt; *al-Naḥḍa*; *taysīr al-naḥw*

The work of the Maronite philologist and bishop Ibn Farḥāt (1670–1732), *Baḥṭ al-maʿālib wa-ḥaṭṭ al-tālib* (“The Search for Demands and the Incitement of the Student”), represents a key turning point in the history of Arabic linguistics during the period

preceding the Arabic Renaissance (*al-Nahḍa*). Prior to the 18th century, the study of Arabic grammar (*naḥw*) relied heavily on complex medieval canons and an extensive system of abstract commentaries (*ṣurūḥ*), which significantly hindered practical language acquisition.

This study analyzes the theoretical and pedagogical views of Ibn Farḥāt aimed at simplifying grammatical description (*taysīr al-naḥw*) and evaluates his role in adapting the classical Arabic linguistic tradition to new educational and socio-cultural realities. In his treatise, Ibn Farḥāt systematically eliminated unwieldy scholastic terminology, abstract theoretical disputes, and hypothetical constructions from the grammatical description for the first time, focusing instead on the functional and communicative aspect of the language.

He introduced a transparent structural hierarchy — dividing the material into chapters (*baḥṭ*) and sections (*maṭlab*), utilizing illustrative tables and detailed tables of contents (*fiḥrist*) — which reflected the influence of the European didactic tradition. At the same time, the author preserved the foundational categories of classical Arabic linguistics, presenting them in a concise and accessible format. This made grammar accessible to a broader range of learners, including non-Arabic-speaking audiences and Arab Christians.

The work *Baḥṭ al-maṭālib* laid the methodological foundations for the concept of *taysīr al-naḥw*, serving as a precursor to the large-scale linguistic reforms of the 19th century in the works of N. al-Yāziǧī, A. F. al-Šidyāq, and B. al-Bustānī. The analysis demonstrates that the modernization of Arabic grammatical thought began not with a complete rupture with the classical tradition, but with its selective adaptation and structural-functional reworking, which shaped the development of Arabic philology for two centuries to come.

Л. Г. Лахути
(ИВ РАН)

***Са‘адат-наме, поэма-маснави, приписываемая
Насиру Хусраву: история публикации
и первый русский перевод***

Ключевые слова: атрибуция; Насир Хусрав; персидская поэзия; *Са‘адат-наме*

Доклад посвящен поэме-маснави *Са‘адат-наме* «Книга счастья», традиционно приписываемой Насиру Хусраву (XI в.), хотя консенсус на эту тему среди специалистов отсутствует. Впервые оригинал, содержащий 287 бейтов, вместе с французским переводом был опубликован в 1880 г. Э. Фаньяном по рукописи 781 А из Национальной библиотеки Франции, а в 1882 г. Ф. Тойфель предложил многочисленные замечания и исправления к этой публикации. В 1915 г. А.Е. Крымский дал краткий обзор поэмы и включил перевод шести глав во второе издание «Истории Персии, ее литературы и дервишеской теософии». В 1922 г. оригинал поэмы (по изданию Э. Фаньяна) был без изменений добавлен берлинским издательством «Kaviani» как приложение к *Сафар-наме* Насира Хусрава, а в 1928 г. *Са‘адат-наме* была впервые включена в *Диван* Насира Хусрава, но как произведение не принадлежащее, а только лишь приписываемое ему. В основу этого издания поэмы была положена рукопись, которую составитель первого издания *Дивана*, Н. Тагави, подготовил, но не стал публиковать, поскольку не считал ее принадлежащей Насиру. В 1955 г. английский перевод поэмы с подробным анализом предыдущих изданий и обоснованием собственных переводческих решений опубликовал Г. Викенс.

В настоящее время готовится к изданию первый полный русский перевод поэмы, выполненный автором доклада и Н.И. Пригариной (ИВ РАН). В этом издании были отмечены разночтения по вышеназванным публикациям и по еще одной рукописи, местонахождение которой не указано.

В докладе рассказывается об особенностях этого перевода, приводится структура поэмы, содержание глав и примеры интерпретации некоторых сложных мест. Кроме того, обсуждаются различные взгляды на проблему авторства поэмы, а также история публикации и изучения текста.

Leyli G. Lahuti

(Institute of Oriental Studies RAS)

***Sa'ādat-nāmeḥ, a masnavi poem attributed
to Naṣīr-i Khusraw: publication history
and the first Russian translation***

Keywords: attribution; Naṣīr-i Khusraw; Persian poetry; *Sa'ādat-nāmeḥ*

This paper is devoted to the masnavi poem *Sa'ādat-nāmeḥ* «The Book of Happiness», traditionally attributed to Naṣīr-i Khusraw (11th century), although there is no scholarly consensus on this matter. The original text, containing 287 bayts, was first published together with a French translation in 1880 by E. Fagnan, based on manuscript 781 A from the Bibliothèque nationale de France; in 1882, F. Teufel offered numerous remarks and corrections to this edition. In 1915, A. E. Krymsky provided a brief overview of the poem and included a translation of six chapters in the second edition of his *History of Persia, Its Literature, and Dervish Theosophy*. In 1922, the original text of the poem

(according to E. Fagnan's edition) was reprinted without changes by the Berlin publishing house "Kaviani" as an appendix to Naṣīr-i Khusraw's *Safar-nāma*. In 1928, the *Sa'ādat-nāmeḥ* was included for the first time in the Dīvān of Naṣīr-i Khusraw, but as a work not belonging to him, only attributed to him. This edition was based on a manuscript prepared by N. Tagavi, the compiler of the first Dīvān, who had chosen not to include it because he did not consider it to be by Naṣīr. In 1955, G. Wickens published an English translation of the poem, accompanied by a detailed analysis of previous editions and a justification of his own translational choices.

At present, the first complete Russian translation of the poem, prepared by the author of this paper and N. I. Prigarina (Institute of Oriental Studies RAS), is being prepared for publication. This edition noted textual variants based on the aforementioned publications and on one additional manuscript, whose location is not specified. This paper discusses the specific features of this translation, presents the structure of the poem, summarises the contents of its chapters, and provides examples of the interpretation of certain difficult passages. In addition, various views on the problem of the poem's authorship are discussed, as well as the history of the publication and study of the text.

С.В. Лахути
(ИБ РАН)

Мусульманские святые в текстах европейских путешественников: на материале путешествия в хаджж Р. Ф. Бертона

Ключевые слова: Р.Ф. Бертон; гробницы; поклонение святым в исламе; травелог

Понятие святых, или друзей Божиих (*awliyā'*), вошло в мусульманскую культуру уже к VIII в. нашей эры, а знаменитый трактат ал-Хакима ат-Тирмизи (умер между 907 и 912 гг.) *Sirat al-awliyā'* «Жизнеописание святых») также известен как *Khatm al-awliyā'* «Печать святых», определил развитие этой темы на много лет вперед. С тех пор появилось множество трактатов, посвященных биографиям святых и совершенным ими чудесам. К XVIII–XIX вв. понятие стало неотъемлемой, хотя и не всеми принимаемой частью мусульманской культуры. Некоторые суфийские ордены рассматривали святых как людей, обладающих сверхъестественными силами при жизни и становящихся посредниками между обычными людьми и Богом после смерти. Образы святых могли существенно различаться в разных регионах, хотя посещение гробниц святых было распространено более-менее повсеместно в мусульманском мире.

Британский путешественник Ричард Френсис Бертон (1821–1890) в 1853 году совершил хаджж в образе шейха Абдуллы, афганского дервиша. Он прошел путь от Александрии до Мекки, что требовало от него соблюдения обычаев, как религиозных, так и культурных. В частности, это относилось и к посещению гробниц святых и их поминанию.

В своей книге Р. Бертон, в частности, рассказывает и о бытовой стороне своего путешествия, которая подчас оказывается интереснее его сугубо научных фрагментов, что дает возможность взглянуть на реальное устройство повседневной жизни в Египте и Аравии в середине XIX в. Так, Бертон упоминает святых в целом ряде контекстов — посещение их гробниц, обращение к святым в трудных ситуациях, упоминание лично знакомых святых его спутниками и учителями. В докладе будут рассмотрены подобные примеры из книги Ричарда Бертон и процитированы описания реальных ситуаций, включавших упоминания святых.

Sofia V. Lahuti

(Institute of Oriental Studies RAS)

**Muslim saints in European travellers' texts:
the case of R. F. Burton's pilgrimage to Mecca**

Keywords: R. F. Burton; saint veneration in Islam; tombs; travelogue

The concept of saints, or “friends of God” (*awliyā*), had already entered Muslim culture by the 8th century CE. The famous treatise by al-Ḥakīm al-Tirmidhī (d. between 907 and 912), *Sīrat al-awliyā* “The Life of the Saints”, also known as *Khatm al-awliyā* “The Seal of the Saints”, shaped the development of this theme for many years to come. Since then, numerous treatises have been devoted to the biographies of saints and the miracles they performed. By the 18th and 19th centuries, the concept had become an integral, though not universally accepted part of Muslim culture. Some Sufi orders regarded saints as individuals who possessed supernatural powers during their lifetime and became intermediaries between ordinary people and God after their death.

Conceptions of saints could differ significantly from region to region, although visiting the tombs of saints was more or less widespread throughout the Muslim world.

The British traveller Richard Francis Burton (1821–1890) performed the *hajj* in 1853 in the guise of Shaykh ‘Abdallāh, an Afghan dervish. His journey from Alexandria to Mecca required him to observe both religious and cultural customs. This included, in particular, visiting the tombs of saints and commemorating them. In his book, Burton also describes the everyday aspects of his journey, which at times prove more interesting than his strictly scientific descriptions, thereby offering a glimpse into the real organisation of daily life in Egypt and Arabia in the mid-nineteenth century. Burton mentions saints in a range of contexts: visits to their tombs, appeals to saints in difficult situations, and references to personally acquainted saints made by his companions and teachers. This paper will examine such examples from Richard Burton’s book and quote descriptions of actual situations involving references to saints.

О. К. Матвеева
(ИБ РАН)

**Когда возникает японская историография?
Историческое сознание и историческое письмо
в тексте хроники *Нихон сёки* (720)**

Ключевые слова: историография; *Нихон сёки*; Япония; японская древность

История, историчность и историописание были важны для молодой японской государственности VII–VIII вв. Вопрос о времени возникновения японского исторического письма обычно связывают с древними памятниками: генеалогиями, преданиями, эпиграфикой и ранними письменными записями. Однако наличие представлений о прошлом и даже текстов, фиксирующих эти представления, само по себе еще не позволяет говорить о существовании во времена, которыми датируются эти памятники, исторического письма как особой формы осмысления прошлого. Вслед за Робертом Виткампом мы предлагаем различать историческое сознание и историческое письмо: историческое сознание предполагает представление о прошлом как об особой временной реальности, возможность соотносить настоящее с прошлым и сохранять память о произошедшем, тогда как историческое письмо связано с более комплексными способами организации и интерпретации этого прошлого в письменном тексте — его хронологизацией, выстраиванием последовательности событий, сопоставлением различных версий и включением разнородных материалов в единую повествовательную структуру.

В докладе предлагается рассмотреть эту проблему на материале первой японской исторической хроники *Нихон сёки* «Анналы Японии» (720 г.). Мы ставим под вопрос реконструкцию непрерывной линии от ранних форм исторической памяти к государственной историографии и смещаем исследовательский акцент с установления момента «возникновения» историографии на анализ того, каким образом в тексте *Нихон сёки* формируются способы организации, отбора и интерпретации прошлого. В таком подходе хроника может рассматриваться не только как результат уже существовавшей историографической традиции, но и как пространство формирования самой практики исторического письма.

Olga K. Matveeva

(Institute of Oriental Studies RAS)

**When did Japanese historiography emerge?
historical consciousness and historical writing
in *Nihon shoki* (720)**

Keywords: Japan; Japanese antiquity; historiography; *Nihon shoki*

History, historicity, and historical writing were of considerable importance to the emergent Japanese polity of the seventh and eighth centuries. The question of when Japanese historical writing first emerged is typically addressed through recourse to early monuments: genealogies, oral traditions, epigraphic inscriptions, and early written records. Yet the existence of conceptions of the past, and even of texts recording such conceptions, does not in itself warrant the claim that historical writing, understood as a distinct mode of engaging with the past, already

existed at the time to which these monuments are dated. Following Robert Wittkamp, we propose to distinguish between historical consciousness and historical writing: historical consciousness presupposes an understanding of the past as a distinct temporal reality, the ability to relate the present to the past, and the capacity to preserve the memory of past events, whereas historical writing involves more complex modes of organizing and interpreting this past within a written text — through chronological ordering, the sequencing of events, the juxtaposition of divergent versions, and the incorporation of heterogeneous material into a unified narrative structure.

This paper examines this problem through the case of Japan's first official historical chronicle, *Nihon shoki* "Chronicles of Japan" (720 CE). Drawing on Wittkamp's critical remarks, we question the reconstruction of an unbroken line of development from early forms of historical memory to state-sponsored historiography, and we shift the analytical focus away from establishing the moment at which historiography "emerged" and toward an examination of how *Nihon shoki* itself develops ways of organizing, selecting, and interpreting the past. On this approach, the chronicle can be understood not merely as the product of an already established historiographical tradition, but as a site in which the very practice of historical writing was being formed.

Д. В. Микульский
(ИБ РАН)

**Выдающиеся сыны Северной Африки
(конец XIX – первая половина XX в.):
Восток и Запад как факторы формирования
личности. На основе трудов современных
североафриканских ученых**

Ключевые слова: образование колониальное; образование традиционное; модернизация; традиционная культура

Доклад основывается на современных жизнеописаниях выдающихся североафриканцев. Алжир представлен крупным ученым европейского типа, подлинным арабистом в академическом смысле этого слова, Мухамадом Бен Шенебом (1869–1927), а Ливия — известным ливийским политическим деятелем Баширом ас-Са‘дави (1887–1957) и улемом, историком и языковедом ат-Тахиром аз-Зави (1890–1986).

Троих мужей объединяет происхождение из старинных семейств и получение на начальном этапе жизни добротного традиционного образования.

Далее пути формирования личностей героев моего повествования расходятся. М. Бен Шенеб заканчивает сначала французскую среднюю школу, а затем педагогический институт и становится носителем европейских академических знаний по арабистике. Ас-Са‘дави и аз-Зави продолжают восхождение по ступеням традиционного образования. В результате первый из них сначала делает административную карьеру под эгидой Османского государства, а после, в эмиграции, становится политическим консультантом

общеарабского уровня. Аз-Зави тоже покинул родину и оказался в Каире. Здесь он научается редакторской работе на уровне требований 1930-х – 1950-х гг., а также приобретает известность как богослов и историк.

Таким образом, если Запад и порожденная им цивилизация влияли на М. Бен Шенеба непосредственно, через систему образования, то ас-Са‘дави и аз-Зави испытывали западное влияние в рамках общих модернизационных тенденций, проявлявшихся в арабском мире в XX в. Однако все трое сохраняли до конца дней приверженность исконной арабской культурной основе в ее североафриканском варианте.

Dmitri V. Mikulski

(Institute of Oriental Studies RAS)

**Outstanding sons of North Africa
(late 19th – first half of 20th ct.):
Orient and Occident as factors of personal formation.
(On the base of the works of contemporary
North-African scholars)**

Keywords: colonial education; modernization; traditional culture; traditional education

The paper is based upon contemporary biographies of outstanding personalities of North Africa. Algeria is represented by the eminent scholar of European type, the real Arabist in the Academic meaning of the word Muhammad Ben Cheneb (1869–1927), while Libya’s impact is to be found due to the names of a well-known politician Bashir al-Sa‘dawi (1887–1957) and an *‘allāma*, a historian and a linguist al-Tahir al-Zawi (1890–1986).

The three men are united by the origin of ancient families and the fact of being educated at the initial stage of life in a solid traditional mode.

Further the ways of the formation of the personalities of the heroes of my narration part. M. Ben Cheneb first graduates in a French secondary school, then in a pedagogical institute and becomes a bearer of European Academic knowledge in Arabistics. Al-Sa'dawi and al-Zawi continue to ascend the staircase of traditional education. As the result the first of them primarily makes an administrative career under the patronage of the Othman State and afterwards in emigration becomes a political adviser of the All-Arabic level.

Al-Zawi also leaved his homeland and found himself in Cairo. There he mastered the profession of editor at the level of 1930s – 1950s, as well as gained fame as a religious doctor and a historian.

Finally it appears, that the Western Civilization was influencing M. Ben Cheneb directly, through the system of education, while al-Sa'dawi and al-Zawi were exposed to western influence in the framework of the overall modernizing trends, that appeared in the Arab World in the 20-th century.

But all the three retained up to the end of their lives adherence to the essential Arabic cultural core in its North-African variant.

Д. Е. Мишин
(ИВ РАН)

Переписка Александра Македонского и Аристотеля в *Шах-наме* Фирдоуси

Ключевые слова: Александр Македонский; Ибн ал-Мукаффа'; Сасаниды; Фирдоуси

Доклад посвящён одному фрагменту «Книги о царях» (*Шах-наме*) Абу-л-Касима Фирдоуси (ум. ок. 1020 г.), посвящённому походу Александра Македонского на Ахеменидскую державу. Согласно ему, незадолго до смерти Александр написал своему учителю Аристотелю о намерении истребить побеждённую персидскую знать. В ответ Аристотель призвал его не делать этого, но предоставить персидским вельможам примерно равные уделы и сделать их подчинёнными ему правителями, чтобы междоусобицы между ними удержали их от выступления против македонского господства. Анализ данного фрагмента показывает, что он представляет собой стихотворное переложение сюжета о переписке Александра и Аристотеля, который к тому времени был известен в арабо-мусульманской литературе. Примерно в первой половине VIII в. был создан арабский перевод текста, который считали перепиской Александра и Аристотеля. Вероятно, его выполнил Абу-л-‘Ала’ Салим, один из главных дворцовых писцов при омейядском халифе Хишаме ибн ‘Абд ал-Малике (724–743); по другой версии перевод сделал другой человек, но Абу-л-‘Ала’ проверил его. Рассматриваемый сюжет обнаруживается также у Ибн ал-Мукаффа' (род. ок. 720 г., ум. ок. 756 г.), рассказ которого известен в передаче Ибн Исфандийара (писал в 1216/17 г.); в отличие от текста

Абу-л-‘Ала’, где дан только перевод переписки, он заканчивается тем, что Александр последовал совету Аристотеля, разделил Иранскую страну между царевичами, получившими название *мулук ат-тава’иф*, и двинулся далее на восток. Известны и другие более поздние передачи текста; среди них важен текст ад-Динавари (ум. в 895/6 г.), историческое повествование которого близко к «Книге о царях». Можно предположить, что использование арабского термина *мулук ат-тава’иф* для обозначения Аршакидов и подчинённых им правителей восходит к Ибн ал-Мукаффа‘. Последний, будучи носителем персидской культуры, воспроизводит, кажется, тезисы сасанидской идеологии, изображавшей Аршакидов ставленниками Александра Македонского.

Dmitriy Ye. Mishin

(Institute of Oriental Studies RAS)

Correspondence between Alexander the Great and Aristotle in Firdawsī’s *Shāh-nāmeḥ*

Keywords: Alexander the Great; Firdawsī; Ibn al-Muḳaffa‘; Sasanids

This paper examines a passage from *Shāh-nāmeḥ* “Book of Kings” by Abū al-Ḳāsim Firdawsī (d. c. 1020) on Alexander the Great’s campaign against the Achaemenid Empire. The text runs that shortly before his death, Alexander wrote to his teacher Aristotle expressing his intention to exterminate the defeated Persian nobility. In response, Aristotle urged him not to do so, but rather to grant the Persian magnates roughly equal fiefs and appoint them as subordinate rulers, reasoning that internecine strife among them would prevent them from rising up against

Macedonian rule. This appears to be a poetic adaptation of the correspondence between Alexander and Aristotle — a story already well-known in Islamic literature by that time. An Arabic translation of the text — purportedly the correspondence between Alexander and Aristotle — was produced around the first half of the 8th century. It was likely made by Abū al-‘Alā’ Sālīm, one of chief court scribes under the Umayyad Caliph Hishām Ibn ‘Abd al-Malik (724–743); alternatively, the translation may have been the work of another man, with Abū al-‘Alā’ reviewing it. The story in question also appears in a text by Ibn al-Muḳaffa‘ (b. c. 720, d. c. 756), preserved in the writings of Ibn Isfandiyār (active 1216/17). Unlike Abū al-‘Alā’s text, which only presents the translation of the correspondence, this version concludes with Alexander following Aristotle’s advice: he divided the Iranian lands among princes — known as *mulūk al-ṭawā’if* (kings of the fiefs) — and proceeded further east. Among the later versions, the text of al-Dīnawarī (d. 895/6) is significant, as his narrative closely resembles that of the “Book of Kings”. It may be surmised that the use of the Arabic term *mulūk al-ṭawā’if* to designate the Arsacids and their subordinate rulers traces back to Ibn al-Muḳaffa‘. As a bearer of Persian culture, the latter appears to be reproducing tenets of Sasanian ideology, which portrayed the Arsacids as appointees of Alexander the Great.

А. В. Мрачковская
(ИВ РАН)

**«Хождение в пять индийских царств»:
комментарии к переводу источника**

Ключевые слова: паломничество; травелог; Центральная Азия; Шелковый путь; Южная Азия

«Хождение в пять индийских царств» (往五天竺國傳) — единственный сохранившийся травелог корейского монаха, совершившего паломничество в Индию. Автором текста является монах Хечхо (704?–787 гг. н.э.) — выходец из государства Силла (57 г. до н.э. (легенд.) – 935 г. н.э.) и ученик Ваджрабодхи и Амогхаваджры, мастеров эзотерического буддизма. После обучения у Ваджрабодхи Хечхо отправился в Индию морским путем через Юго-Восточную Азию. В сохранившемся манускрипте утеряны начало и конец, поэтому узнать точные даты паломничества не представляется возможным. Предположительно время паломничества включает период между 723/4 и 727/8 гг. н.э. После путешествия по Южной и Центральной Азии Хечхо вернулся в империю Тан, где оставил записи о паломничестве и переводил привезенные из Индии тексты. На Корейский полуостров монах не вернулся. Сохранившийся манускрипт был найден в 1908 г. в монастыре Могао Французской экспедицией, в частности, востоковедом Полем Пелльо (1878–1945) и вывезен в Париж. На данный момент манускрипт хранится в Национальной библиотеке Франции.

Манускрипт содержит множество лакун, что усложняет перевод текста. Также есть основания предполагать, что

сохранившийся манускрипт — более поздняя перепись оригинального текста или его части.

Травелог «Хождение в пять индийских царств» содержит порядка сорока частей, каждая из которых посвящена государству, монастырю или городу. Порядок частей следует пройденному монахом маршруту.

Самые объемные части приходятся на описание Индии, но с «Северной Индии» объем каждой части уменьшается пока не доходит до 54 знаков в последней сохранившейся части.

Травелог содержит информацию об исторических процессах, в частности, об увядании буддизма в Северной Индии, о мусульманских завоеваниях в Центральной Азии, о смене правящих домов в разных регионах, а также повествует о тяготах пути, ведь Хечхо — автор травелога — удивительно честен с изложением чувств, что привносит в травелог черты личного дневника.

Arina V. Mrachkovskaia

(Institute of Oriental Studies RAS)

Memoirs of a Pilgrimage to the Five Indian Kingdoms: Notes on the Translation

Keywords: travelogue; pilgrimage; Late Antiquity; Silk Roads; Central and South Asia

Memoirs of a Pilgrimage to the Five Indian Kingdoms (往五天竺國傳) is the only surviving travelogue of a Korean monk who visited India. The author of the travelogue is monk Hyecho (704?-787 CE), a person of Korean, namely Silla, origin who learned Esoteric Buddhism in Tang China with two eminent masters, Vajrabodhi and Amoghavajra. After education under Vajrabodhi supervision, around 723 CE, Hyecho went on a pilgrimage to

India via maritime South East Asia. After returning to Tang by land, Hyecho composed the travelogue *Memoirs of a Pilgrimage to the Five Indian Kingdoms*. The exact date of the pilgrimage varies due to fragmentary of the travelogue, the possible period of the pilgrimage might be 723/4-727/8 CE.

The existing manuscript of *Memoirs of a Pilgrimage to the Five Indian Kingdoms* was found in Mogao cave number seventeen by the French Expedition (1906-1908 CE), namely, Orientalists Paul Pelliot (1878-1945 CE) in 1908 CE, and is now held in the French National Library. The manuscript is a horizontal scroll measuring 28.8 cm in width and 358.6 cm in length, containing 5,893 characters arranged in 277 columns. The beginning and end of the travelogue are lost, and the remaining part contains lacunae. There is a suggestion the surviving manuscript is a fragment, namely one volume, of a three-volume work or a draft of a larger text.

Memoirs of a Pilgrimage to the Five Indian Kingdoms contains c. 40 accounts which follow the route taken by Hyecho. The largest accounts cover India; however, starting with the account on Northern India, the length of each account decreases, eventually dwindling to 54 characters in the final surviving account.

The travelogue provides information on various historical events, specifically, the decline of Buddhism in Northern India, the Muslim conquest of Central Asia, and the succession of ruling dynasties across different regions; while also recounting the hardships of the journey; indeed, Hyecho occasionally is remarkably frank to a reader, as if the work is a personal diary.

В. А. Мяндр
(МГПУ)

Место трактата *Кудэнсю* из антологии *Рёдзин Хисё* в поэтической традиции Японии

Ключевые слова: Го-Сиракава; *имаё*; *Кудэнсю*; поэтическая традиция; *Рёдзин Хисё*

Антология *Рёдзин Хисё* (梁塵秘抄), составленная императором Го-Сиракава (1127–1192) около 1179 года, представляет собой уникальный памятник японской словесности. В отличие от императорских антологий *вака*, она содержит песни *имаё* (今様, «в нынешнем вкусе») — жанр, зародившийся в народе. Метрика *имаё* (свободное чередование 7-5 и 8-5) отличалась от строгой формы *вака* 5-7-5-7-7.

Антология состоит из собрания текстов (*Касисю*) и трактата о правилах исполнения (*Кудэнсю*, 口伝集). Именно последний представляет особый интерес: Го-Сиракава сознательно строит его по образцу поэтических трактатов о *вака* (в частности, *Тосиёри Дзуйно*), заявляя: «Много трактатов написано о *вака*, но нет ни одного для *имаё*».

«Кудэнсю» ценен как автобиографический источник и как свидетельство передачи устной традиции: осознавая, что вокальное искусство исчезнет после его смерти, Го-Сиракава фиксирует на бумаге приёмы, передававшиеся из уст в уста.

Текст проливает свет на социальное бытование *имаё*: император приглашал не только аристократов, но и *асоби* (куртизанок) и *кугуцу* (бродячих артистов). Содержание 566 песен демонстрирует тематическое разнообразие,

недоступное *вака*: буддийские гимны, бытовые зарисовки, эротические песни, мотивы родительской любви. Текст запечатлел голоса маргинализированных групп — от рыбаков до странствующих шаманок.

Таким образом, *Кудэнсю* — многослойный источник, важный для изучения поэтической традиции, механизмов канонизации народного жанра и социальных связей в Японии эпохи Хэйан.

Viktoria A. Miand

(Institute of Oriental Studies RAS)

The Place of the *Kudenshū* Treatise from the *Ryōjin Hishō* Anthology in the Japanese Poetic Tradition

Keywords: Emperor Go-Shirakawa; *imayō*; *Kudenshū*; poetic tradition; *Ryōjin Hishō*

The anthology *Ryōjin Hishō* (梁塵秘抄), compiled by Emperor Go-Shirakawa (1127–1192) around 1179, is a unique monument of Japanese literature. Unlike the imperial anthologies of *waka*, it contains *imayō* songs (今様, "in the current style") — a genre that originated among the common people. The metre of *imayō* (free alternation of 7-5 and 8-5) differed from the strict form of *waka* 5-7-5-7-7.

The anthology consists of a collection of texts (*Kashishū*) and a treatise on performance rules (*Kudenshū*, 口伝集). The latter is of particular interest: Go-Shirakawa deliberately models it on poetic treatises about *waka* (in particular, *Toshiyori Zuinō*), stating: "Many treatises have been written about *waka*, but none for *imayō*."

Kudenshū is valuable both as an autobiographical source and as evidence of the transmission of oral tradition: aware that the

vocal art would disappear after his death, Go-Shirakawa recorded on paper the techniques that had been passed down from mouth to mouth.

The text sheds light on the social existence of *imayō*: the emperor invited not only aristocrats, but also *asobi* (courtesans) and *kugutsu* (itinerant performers). The content of the 566 songs demonstrates a thematic diversity unavailable to *waka*: Buddhist hymns, everyday scenes, erotic songs, and motifs of parental love. The text captures the voices of marginalized groups — from fishermen to wandering shamans.

Thus, *Kudenshū* is a multi-layered source, important for the study of the poetic tradition, the mechanisms of canonizing a popular genre, and social ties in Heian-period Japan.

Е. Л. Никитенко, Н. Ю. Чалисова
(НИУ ВШЭ)

Этос «содружества» (*ṣuḥbat*) и красота прекрасных в суфийской поэме Хумама Табризи (XIII в.)

Ключевые слова: нарративная поэзия; персидская поэзия; суфизм; Тебриз; Хумам Табризи

По мере институционализации суфизма в Иране начала складываться система покровительства власть имущих суфийским братствам в обмен на духовную легитимацию власти с их стороны. Сближение ханаки и двора получило отражение в литературном процессе и привело к постепенному формированию корпуса текстов суфийской придворной поэзии.

В фокусе доклада — яркий образец придворно-суфийского нарратива; это поэма *Ṣuḥbat-nāma* «Книга дружества» Хумама Табризи (ок. 1239–1314), поэта и суфия эпохи Ильханидов, основавшего ханаку в Тебризе, опираясь на покровительство хулагуидского министра Шамс ад-Дина Джувайни. Поэма создана в конце XIII в. на имя Хваджи Харуна, сына министра. Концепт «дружества» (*ṣuḥbat*), разработанный в суфийских сочинениях, представлен в ней в поэтической проекции. В первой части описаны правила общения между обитателями ханаки («влюбленными»). Далее следует панегирик адресату — хвадже Харуну, в конце которого рассказчик приходит на его *маджлис* «с горсткой стихов». Остальные главы поэмы вписаны в контекст этого *маджлиса* и посвящены *шахиду* (*šāhid*), свидетельствующему о Божественной красоте, к которому рассказчик обращается с чередой посланий (о его красоте, своей ревности и жажде свидания). «Дружество» с ним трактуется как созерцание красоты, не

оскверненное плотскими желаниями. В концовке нарратор возвращает читателя в ситуацию *маджлиса хваджи* Харуна, на котором зачитывалась поэма; он утверждает, что автора и его покровителя-министра связывает высшее проявление дружества (*ṣuḥbat*), возможное между смертными. В завершающем восторженном описании встречи суфийская и придворная составляющие поэмы сливаются воедино.

Параболическое соединение планов повествования, при котором один не отменяет, а оттеняет другой, предлагает читателю двойную оптику: книга о содружестве мистиков становится и дружеским посланием конкретному вельможе-меценату; этот нарративный прием широко использовался далее в придворных поэмах-десятиглавах (*dah-faṣl*), к претекстам которых принадлежит «Книга дружества» Хумама Табризи.

Evgeniya L. Nikitenko, Natalia Yu. Chalisova
(HSE University)

The ethos of “companionship” (*ṣuḥbat*) and the beauty of the fair-faced in the Sufi Poem of Humam Tabrizi (13th Century)

Keywords: Humam Tabrizi; narrative poetry; Persian poetry; Sufism; Tabriz

As Sufism became institutionalized in Iran, a system of patronage emerged wherein those in power supported Sufi brotherhoods in exchange for spiritual legitimation of their rule. This rapprochement between the *khanqah* and the royal court was reflected in the literary landscape, leading to the gradual formation of a corpus of courtly Sufi poetry texts.

This paper focuses on a striking example of that courtly-Sufi narrative presented in the poem *Ṣuḥbat-nāma* “The Book of Companionship” by Humam Tabrizi (c. 1239–1314). Humam was an Ilkhanid-era poet and Sufi who established a *khanqah* in Tabriz with the patronage of the Hulaguid vizier Shams al-Din Juvayni. Composed in the late 13th century, the poem is dedicated to Khwaja Harun, the vizier’s son. It presents a poetic rendering of the Sufi concept of *ṣuḥbat* (“companionship”). The first section outlines the etiquette of interaction among the *khanqah*’s inhabitants (the “lovers”). This is followed by a panegyric to the dedicatee of the book, Khwaja Harun; in the final lines, the narrator arrives at his *majlis* (gathering) with “a handful of verses” at hand. The remaining chapters are set within the context of this gathering and center on the *šāhid* (witness [to divine beauty]); the narrator addresses a series of messages to him describing the beloved’s beauties, his own jealousy, and the longing for a meeting. “Companionship” here is portrayed as the contemplation of the youth’s beauty, untainted by carnal desire. In the conclusion, the narrator returns the reader to the setting of Khwaja Harun’s *majlis* where the book was presented; he then reveals that the book author and his patron are united by the highest form of companionship (*ṣuḥbat*) between mortals. In the final, rapturous description of their meeting, the poem’s Sufi and courtly dimensions merge into one.

This parabolic linking of narrative planes — whereby one layer does not negate the other but rather highlights it — offers the reader a dual perspective: a book about the fellowship of mystics simultaneously serves as a friendly missive addressed to a specific nobleman and patron. This narrative device would later be widely employed in courtly ten-chapter poems (*dah-faṣl*), a genre for which Humam Tabrizi’s “Book of Friendship” serves as a precursor text.

В. В. Новикова

(НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург)

Транзит власти от мамлюков к османам в регионе аш-Шам: динамика этнических и географических категорий в арабских источниках XVI в.¹

Ключевые слова: время; Османская империя; султанат мамлюков; транзит власти

В российской и зарубежной историографии завоевание османами Сирии и Египта в 1516–1517 гг. традиционно рассматривается через ключевые военно-политические события — битвы при Мардж Дабике и Ридании. Событийный подход не позволяет выявить динамику осмысления современниками перехода власти от мамлюков к османам. В докладе предлагается иной подход — качественно-дискурсивный анализ обозначений османской власти в арабских нарративных источниках, зафиксированных на временной шкале.

Корпус составляют пять произведений различных жанров, созданных в регионе аш-Шам в первой половине XVI в. — исторические хроники, дневник, биографический словарь наместников, автобиография (всего 5 произведений). Отбор источников производился по авторам-очевидцам событий — Ибн Тулун (1475/9–1546 гг.), Ибн Сибат (ум. ок. 1520 г.), Ибн ал-Химси (ум. 1556 г.). 500 страниц текста были обработаны с помощью Питона (Python) и ручной верификации. Было выявлено 270 упоминаний.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 25-28-02699 «Мобильность и время как новые исследовательские инструменты для анализа социально-политической динамики Султаната мамлюков (1250–1517)»

Организация материала на временной шкале позволила определить три периода трансформации знания об османской власти. В 1501–1515 гг. османы маркируются через этнико-географическую категорию «*ar-Rūm*» и симметричной по отношению к мамлюкам титулатурой (султан ал-Гури — султан Селим шах). В 1516–1517 гг. возрастает число упоминаний и появляются заимствования из османского языка — *al-Khūnkar*, лакаб *al-Muẓaffar*. В 1518–1530-х гг. происходит укрупнение категорий до этнических (черкесы — османы), а османское присутствие встраивается в повседневность города.

Завершение транзита фиксируется на двух уровнях. Дискурсивный демонстрирует исчезновение этнической и географической маркировки, что подтверждает автобиография Ибн Тулуна 1545 г. Структурный связан с синхронным прекращением историописания у авторов одного поколения, не коррелирующее с их смертью.

Предложенное сопоставление лексической динамики может служить источниковедческим инструментом датировки границ переходных периодов, где точная хронология остается предметом дискуссии.

Valeriia V. Novikova

(HSE University — St. Petersburg)

The transfer of power from the Mamluks to the Ottomans in the Bilad al-Sham region: the dynamics of ethnic and geographical categories in 16th ct. Arabic sources¹

Keywords: era; Mamluk Sultanate; the Ottoman Empire; transfer of power

¹ This research was supported by the Russian Science Foundation under project No. 25-28-02699, «Mobility and Time as New Research Tools for Analyzing the Socio-Political Dynamics of the Mamluk Sultanate (1250–1517).»

In Russian and international historiography, the Ottoman conquest of Syria and Egypt (1516–1517) is traditionally viewed through key military-political events: the battles of Marj Dabiq and Ridaniya. This event-centered approach fails to capture how contemporaries perceived the transfer of power from the Mamluks to the Ottomans. This paper proposes an alternative method: a qualitative discourse analysis of terms used to designate Ottoman authority in Arabic narrative sources, mapped onto a timeline.

The corpus comprises five works of various genres from Bilad al-Sham (first half of the 16th ct.): chronicles, a diary, a biographical dictionary of governors, and an autobiography, selected on the basis of eyewitness authorship: Ibn Ṭūlūn (1475/9–1546), Ibn Šibāṭ (d. ca. 1520), and Ibn al-Ḥimṣī (d. 1556). Some 500 pages of text were processed using Python (term search, OCR of unannotated editions, manual verification), yielding 270 relevant mentions.

The timeline reveals three periods in the evolution of knowledge about Ottoman authority. In 1501–1515, the Ottomans are marked by the ethno-geographic category *ar-Rūm*, with titulature mirroring the Mamluks' (Sultan al-Ghawri — Sultan Selim Shah). In 1516–1517, mentions increase sharply and Ottoman loanwords enter the sources — *al-Khūnkar*, the laqab *al-Muẓaffar*. In 1518–1530s, categories consolidated into ethnic ones (Circassians – Ottomans), and Ottoman presence became integrated into everyday urban life.

The transition's completion by the 1530s is evident at two levels: discursively, in the disappearance of ethnic and geographic markers (corroborated by Ibn Ṭūlūn's 1545 autobiography); structurally, in the simultaneous cessation of historical writing among authors of the same generation, independent of the timing of their deaths.

This comparison of genre temporality and lexical dynamics offers a methodological tool for dating transitional periods where precise chronology remains debated.

Б. В. Норик
(ИВ РАН)

**К вопросу о переводе двух фрагментов
из «Истории Персии» Дж. Малколма
в *Тарих-е мунтазам-е Насири* И‘тимада ас-Салтане**

Ключевые слова: каджарская историография; Дж. Малколм; Мухаммад Хасан-хан И‘тимад ас-Салтане; *Тарих-е мунтазам-е Насири*

В эпоху правления Насир ад-Дин-шаха Каджара (1264–1313/1848–1896) переводческое движение в Иране, начавшее формироваться при ‘Аббас-мирзе На‘иб ас-Салтане (ум. 1249/1833) в Табризе в первой трети XIX столетия, приобрело значительный размах, чему в немалой степени способствовал интерес упомянутого монарха к истории, искусству и науке других, в первую очередь европейских, стран. Неудивительно поэтому, что наряду с полным переводом текстов начинает складываться традиция цитирования (подчас пространного) европейских авторов в исторических сочинениях на персидском языке. Одним из примеров такого цитирования служит перевод на персидский язык двух относительно объёмных фрагментов классического сочинения *The History of Persia* Дж. Малколма (впервые опубликованного в 1815 г.), помещённых Мухаммад-Хасан-ханом И‘тимадом ас-Салтане (1256–1313/1843–1896) в его труде *Тарих-е мунтазам-е Насири* «Упорядоченная история для Насира». Особый интерес вызывает тот факт, что автор отказался от цитирования соответствующих отрывков из полного перевода труда Малколма, выполненного в Индии в 1287/1870 г. по изданию 1815 г. Мирзой Исма‘илом

Хайратом и опубликованного в Бомбее, и предпочёл использовать издание 1829 г., в котором текст искомым фрагментов имеет существенные отличия от первого. Размер переведённого текста представляется достаточным для того, чтобы в рамках предлагаемого доклада на основании сопоставительного анализа оригинала и перевода сделать выводы о стратегии, избранной переводчиком, а также обозначить некоторые приёмы, использованные им для её реализации.

Boris V. Norik

(Institute of Oriental Studies RAS)

**Towards the problem of translation of two fragments
from *The History of Persia* by J. Malcolm in the
Tarikh-e muntazam-e Nasiri by I‘timad al-Saltane**

Keywords: J. Malcolm; Muhammad Hasan-khan I‘timad al-Saltane; Qajar historiography; *Tarikh-e muntazam-e Nasiri*

During the period of Nasir al-Din-shah Qajar's reign (1264–1313/1848–1896) the translation movement in Iran, started to shape under ‘Abbas-mirza Na‘ib al-Saltane (d. 1833) in Tabriz in the first third of XIX century, reached a significant scale. This was largely facilitated by the interest of the mentioned monarch in the history, art and science of other, primarily European, countries. So it is not surprising that along with the translation of full texts the tradition of quoting European authors, sometimes lengthy, in historical essays in Persian begins to form. One of the examples of such a quoting is a translation into Persian of two relatively large fragments from the classical work *The History of Persia* by J. Malcolm (first published in 1815) introduced by Muhammad-Hasan-Khan I‘timad al-Saltane (1256–1313/1843–

1896) in his work *Tarikh-e muntazam-e Nasiri* [Arranged history for Nasir]. Of particular interest is the fact that the author refused quoting corresponding fragments from the full translation of the work by Malcolm, performed after the 1815's edition by Mirza Isma'il Hayrat in India in 1287/1870 and published in Bombay, and preferred to use the 1829's edition in which the text of the fragments under discussion has significant differences from the former. The size of the translated text seems to be sufficient to draw conclusions about the strategy chosen by the translator as well as to indicate some methods used by him for its implementation, based on a comparative analysis of the original and the translation.

М. А. Овчинникова
(ИБ РАН)

К вопросу о переводе монгольской летописи XVIII в. «Течение Ганга» Гомбоджаба

Ключевые слова: Гомбоджаб; летописи XVIII в.; монгольская традиционная историография

«Течение Ганга» (монг. *Гангын урсгал*) — уникальный письменный памятник по истории монголов, составленный Гомбоджабом в 1725 г. Помимо генеалогии золотого рода Чингис-хана в нём также описываются родословные потомков его младших братьев — *нойонов* (князей) различных племён: найманов, тумэтов, баринов, чахаров, сунитов и пр. На данный момент было найдено два списка «Течения Ганга». Первый (список А) был обнаружен Ц. Ж. Жамцарано в начале XX в. и издан Л. С. Пучковским методом фотофаксимиле в 1960 г. Второй список (В) был привезён в Венгрию в начале XX в. Л. Лигети, но до недавно времени считался утерянным. Сейчас эта рукопись хранится в библиотеке Венгерской АН, была оцифрована, но не издана.

В этом году мной был осуществлён первый перевод «Течения Ганга» на русский язык. В основу перевода лёг список А, изданный Пучковским. Важно отметить, что в рассматриваемой рукописи переписчиком был нарушен порядок листов, при этом на некоторых листах находятся сюжетные отрывки из двух-трёх частей нарратива. Текст летописи насыщен именами собственными и титулами, многие из которых были заимствованы из китайского и маньчжурского языков. При этом некоторые имена и титулы не унифицированы. Та же проблема встречается и в фактологии:

информация, например, о количестве сыновей того или иного хана может различаться в соседних предложениях. Среди других особенностей сочинения следует выделить многочисленные пометки (например, тибетские глоссы) и комментарии летописца: пояснения к терминам, титулам, событиям. Встречаются также личные «рассуждения» Гомбоджаба: о «пяти цветных» и «пяти чужих», о «шести монгольских» и «четырёх ойратских» *тумэнах*, о монгольских музыкальных инструментах.

Maria A. Ovchinnikova

(Institute of Oriental Studies RAS)

The 18th century Mongolian chronicle Gombojab's "Flow of the Ganges": translation challenges

Keywords: Gombojab; traditional Mongolian historiography; 18th-century chronicles

"Flow of the Ganges" (mong. «Гангын урсгал») is a unique historical Mongolian chronicle that was compiled by Gombojab in 1725. Not only does it describe the genealogy of Genghis Khan's lineage, but also the lineages of the descendants of his younger brothers — noyans of various tribes such as the Naimans, Tumeds, Baarins, Chahars, and Sonids. Currently, two manuscripts of "Flow of the Ganges" have been found. The first one (Manuscript A) was discovered by Tsyben Zhamtsarano in the early 20th century and published by L. S. Puchkovsky as a facsimile in 1960. The second manuscript (Manuscript B) was brought to Hungary by L. Ligeti in the early 20th century but was considered lost until recently. This manuscript currently is in the library of the Hungarian Academy of Sciences; while it has been digitized, it has not yet been published.

This year, the first Russian translation of "Flow of the Ganges" based on Manuscript A (the version published by Puchkovsky) was published in Moscow by M.A. Ovchinnikova. It is important to note that the scribe confused the page order in the manuscript. Consequently, some pages contain narrative fragments from two or three different sections of the text. The chronicle is filled with proper names and titles, many of which are loanwords from Chinese and Manchu. Moreover, the spelling of certain names and titles lacks consistency. Similar inconsistencies appear in the factual data; for example, information on the number of a particular khan's sons may vary between adjacent sentences. Other notable features include numerous remarks (such as Tibetan glosses) and the author's commentaries — explanations of some terms, titles, and events. There can also be seen a number of Gombojab's personal lines of reasoning: regarding the "five coloured" and "five foreign" tribes, the "six Mongol" and "four Oirat" *tumens*, some Mongolian musical instruments.

М. Н. Османова

(Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН)

**Арабографические старопечатные книги
из фонда Отдела редких книг и рукописей
Научной библиотеки ДГУ**

Ключевые слова: арабографическая письменность; археографическая работа; Дагестанский государственный университет; книжные коллекции; литографское и наборное книгопечатание; рукописные и старопечатные книги

Археографическая работа по локализации, описанию, изучению многочисленных мусульманских книжных собраний Дагестана, хранящих важные памятники арабографической письменности, ведется в течение нескольких десятков лет, демонстрируя значительные успехи.

Среди государственных книжных коллекций, привлекавших внимание дагестанских востоковедов, — Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Дагестанского государственного университета, созданный в 1991 году. Ряд находящихся здесь уникальных экземпляров внесен в Реестр книжных памятников РФ. В 1997 году фонд Научной библиотеки пополнился ценной восточной литературой из личной библиотеки известного исламоведа, профессора М.-Н. Османова. Весомая часть фонда Отдела редких книг — собрание рукописей и старопечатных книг на арабском, персидском и тюркском языках, а также языках народов Дагестана и Северного Кавказа. В 2001–2003 годах рукописная часть коллекции была изучена группой дагестанских источниковедов, в состав которой входили профессор А. Р. Шихсидов, Х. А. Омаров, Д. Х. Гаджиева, П. М. Алибекова. По итогам

работы в 2004 г. был издан «Каталог арабских рукописей Научной библиотеки ДГУ». Арабографические старопечатные литографии и наборные издания, в том числе весьма редкие экземпляры, не были исследованы, что послужило основанием для стационарной археографической работы автора, результатом которой стало научное описание 75 книг различной тематики. На многих книгах имеются информативные владельческие, читательские и дарственные надписи.

Языковой состав и тематику арабографических старопечатных книг из фонда Научной библиотеки ДГУ можно считать характерными для мусульманских библиотек Дагестана, однако есть весьма неординарные экземпляры. Присутствует печатная продукция дагестанских, казанских, бакинских, турецких, египетских типографий, дающая представление об уровне и масштабе культурного общения народов Кавказа, Поволжья и Ближнего Востока.

Milena N. Osmanova

(Daghestan Federal Research Centre, RAS)

Arab Graphic old-printed books from the Department of Rare Books and Manuscripts of the DSU Scientific Library

Keywords: Arabic graphic writing; archaeographic work; book collections; Daghestan State University; lithography and typesetting; manuscript and old-printed books

Archaeographic work on localization, description and study of numerous Muslim book collections in Daghestan, which contain important monuments of Arabic writing, has been carried out for several decades, demonstrating significant success. Among the state book collections, attracted the attention of Daghestani Orientalists, is the Department of Rare Books and

Manuscripts of the Scientific Library of DSU, established in 1991. A number of unique exemplars located here are included into the Register of Book Monuments of the Russian Federation. In 1997, the Scientific Library's collection was supplied by valuable Oriental literature from the personal library of the famous Islamic scholar, Professor M.-N. Osmanov. A significant part of the fund of the Department of Rare Books is the collection of manuscripts and old-printed books in Arabic, Persian and Turkic languages, as well as the North Caucasus languages. In 2001-2003, the manuscript part of the collection was studied by a group of Daghestani scientists, included Professor A.R. Shikhsaidov, H.A. Omarov, D.H. Gadzhieva, P.M. Alibekova. In 2004, based on the results of the work, the "Catalog of Arabic Manuscripts of the DSU Scientific Library" was published. When compiling the Catalog, the Arab graphic old-printed lithographic and typesetting books in Arabic, Turkic, Persian, and Daghestan languages, many of which are rare, were not studied, so it has been served as the basis for the author's stationary archaeographic work, resulted in the scientific description of 75 various topics books. Many books have informative owner's, reader's and donation inscriptions. The linguistic composition and subject matter of the Arabic old-printed books stored in the Scientific Library of the DSU are typical for the Muslim book collections of Daghestan, however, we fixed some unusual ones. They were published in Daghestan, Kazan, Baku, Turkey and Egypt, so it gives an idea of the level and scale of cultural communication between the peoples of the Caucasus, the Volga region and the Middle East.

Н.И. Пригарина
(ИВ РАН)

А. Шиммель об отношении Икбала к Хафизу

Ключевые слова: Икбал; мотивы; опьяненный; оценка; поэзия; *сахв*; *сукр*; суфизм; трезвый; Хафиз; А. Шиммель

В докладе рассматривается, каким образом А. Шиммель объясняла отношение Мухаммада Икбала к великому персидскому поэту Хафизу. Он отнесся резко отрицательно к Хафизу, объявив его ответственным за упадок ислама вообще и в Индии в частности. В поэме *Асрар-и худи* (1915) Икбал критиковал Хафиза как проповедника квиетизма и забвения личности (*худи*). Возмущенная критика, появившаяся в урдуязычной печати, вынудила Икбала объяснять свою позицию: он заявил, что противопоставлял опьянённый суфизм Хафиза (*сукр*) трезвому (*сахв*), к которой причислял свою позицию, и подчёркивал, что отвергает лишь один тип суфийской традиции, а не суфизм в целом. Оправдывая свое отношение к Хафизу в статье 1916 гг., опубликованной в пенджабской газете, Икбал ссыался на историю о том, как сам Аурангзеб под влиянием газели Хафиза совершил поступок, противоречащий исламскому закону: благочестивый император приказал очистить город от куртизанок-*тава'иф*, тех, кого не удалось выдать замуж, следовало утопить в море. Однако по совету одного суфийского святого девушки исполнили перед казнью строки из газели Хафиза, и Аурангзеб, услышав эти проникновенные строки, отменил приказ. Икбал же, резюмируя упомянутую статью, назвал это «ядовитым влиянием» поэзии Хафиза.

При этом Икбал признавал неповторимую красоту поэзии Хафиза, заимствовал у него отдельные мотивы, понятия и даже псевдоним *Зендеруд* в поэме *Джавид-наме*, а в поздней книге *Зарб-и Калим* называл Хафиза творцом совершенных художественных произведений.

Аннемари Шиммель объясняла негативное отношение Икбала к Хафизу тем, что красота его стиля казалась Икбалу слишком опасной и соблазнительной для обычного читателя; но при этом она с большой объективностью выявила все обстоятельства, которые формировали отношение Икбала к Хафизу в разные периоды его творчества.

Natalia I. Prigarina

(Institute of Oriental Studies RAS)

A. Schimmel on Iqbal's attitude towards Hafiz

Keywords: estimation; Hafiz; Iqbal; motifs; poetry; *sahv*; A. Schimmel; sober; Sufism; *sukr*

The text examines how A. Schimmel explained Muhammad Iqbal's attitude toward the great Persian poet Hafiz. He was sharply negative toward Hafiz, declaring him responsible for the decline of Islam in general and in India in particular. In the poem *Asrar-i Khudi* (1915) he criticized Hafiz as a preacher of quietism and of the oblivion of the self (*khudi*). The indignant criticism that appeared in the Urdu-language press forced Iqbal to explain his position: he contrasted Hafiz's intoxicated Sufism (*sukr*) with sober one (*sahv*), to which he counted his position, and emphasized that he rejected only one type of the Sufi tradition, and not Sufism as a whole.

Justifying his attitude toward Hafiz in an article of 1916 published in a Punjabi newspaper, Iqbal referred to the story of how

Aurangzeb himself, under the influence of a ghazal by Hafiz, committed an act contrary to Islamic law: the pious emperor ordered the city to be cleansed of the courtesans-*tawa'if*, and those who could not be married off were to be drowned in the sea. However, on the advice of a certain Sufi saint, the girls recited lines from a *ghazal* by Hafiz before their execution, and Aurangzeb, hearing these heartfelt lines, cancelled the order. In the summary of the aforementioned article, Iqbal called this the “poisonous influence” of Hafiz's poetry.

At the same time, Iqbal acknowledged the artistic beauty of Hafiz's poetry, borrowed from him certain motifs, concepts, and even the pen name *Zenderud* in the poem *Javid-nama*, and in his later book *Zarb-i Kalim* called Hafiz a creator of the perfect works of art.

Annemarie Schimmel explained Iqbal's negative attitude toward Hafiz by saying that the beauty of his style seemed to Iqbal too dangerous and seductive for the ordinary reader; yet at the same time, with great objectivity, she brought to light all the circumstances that shaped Iqbal's attitude toward Hafiz during different periods of his creative work.

В. В. Прудников
(ИВ РАН)

**Проблемы текстологии и перевода
латинской хроники XII века: опыт работы
с «Анонимом Ватиканским»**

Ключевые слова: Аноним Ватиканский; арабо-норманнские контакты; восточные реалии; латинская хроника; норманнское завоевание Сицилии; перевод; текстология; *Chronica Roberti Biscardi*

Хроника «Аноним Ватиканский» (*Chronica Roberti Biscardi et fratrum ac Rogerii comitis Miletii*) — один из наименее изученных памятников норманнской историографии Южной Италии XII в. Долгое время она рассматривалась как эпитафа сочинений Амато из Монтекассино и Гоффредо Малатерры, однако современные исследования (А. Брешиа, Ф. Делле Донне) показали её самостоятельную ценность. Работа над русским переводом хроники выявила ряд текстологических и переводческих проблем, связанных с передачей восточных реалий.

Первая группа проблем — идентификация арабских антропонимов и топонимов, переданных в латинской транслитерации. В тексте фигурируют имена Бенервет (*Benervetus*), Битхумен (*Bithumen*), Хамус (*Hamus/Chamutus*), Тервинум (*Tervinum/Tevinium*), Аркадий Палермский (*Archadius Panormitanus*). Их отождествление с реальными историческими деятелями (Ибн-ал-Верд, Ибн-Симн, Хамуд, король Тевний) требует сопоставления с арабскими источниками и учёта вариантных чтений рукописей. Ошибки в передаче имён (например, *Decius* вместо *Drogus* в кодексе V)

показывают, насколько важна критическая работа с разно-
чтениями.

Вторая группа — передача военно-политической терми-
нологии и реалий, связанных с мусульманским миром: «са-
рацины», «арабы», «африканцы», «эмиры», «*кади*» (*arcaidus*
как «доктор права»), а также описания городов Сицилии и
Северной Африки (Палермо, Трапани, Мазара, Сфакс, Три-
поли). Здесь важно избегать модернизации и сохранять ис-
торический контекст.

Третья группа — стилистическая адаптация латинского
текста, насыщенного библейскими аллюзиями, цитатами из
Овидия и Сенеки, риторическими фигурами. Перевод дол-
жен передавать как буквальный смысл, так и литературную
форму, не превращаясь при этом в вольный пересказ.

В докладе будут представлены конкретные примеры пе-
реводческих решений, сопоставление с итальянским науч-
ным переводом А. Брешиа и предложены принципы работы
с восточным материалом в латинских хрониках.

Vitaliy V. Prudnikov

(Institute of Oriental Studies RAS)

Textual and Translation Problems of a 12th Century Latin Chronicle: The Experience of Working with the "Anonymous Vatican"

Keywords: "Anonymous Vatican"; Arab-Norman contacts;
Chronica Roberti Biscardi; Eastern realia; Latin chronicle; Norman
conquest of Sicily; textual criticism; translation

The chronicle "Anonymous Vatican" (*Chronica Roberti Bis-
cardi et fratrum ac Rogerii comitis Miletii*) is one of the least stud-
ied monuments of Norman historiography in Southern Italy of

the 12th century. For a long time it was regarded as an epitome of the works of Amatus of Montecassino and Geoffrey Malaterra, but modern research (A. Brescia, F. Delle Donne) has demonstrated its independent value. Working on a Russian translation of the chronicle has revealed a number of textual and translation problems related to the transmission of Eastern realia.

The first group of problems is the **identification of Arabic anthroponyms and toponyms** rendered in Latin transliteration. The text mentions the names Benervetus, Bithumen, Hamus/Chamutus, Tervinum/Tevinium, Archadius Panormitanus. Their identification with real historical figures (Ibn al-Ward, Ibn Simn, Hamud, King Tevnius) requires comparison with Arabic sources and consideration of variant readings. Errors in the transmission of names (e.g., *Decius* instead of *Drogus* in codex V) show how important critical work with variants is.

The second group concerns the **transmission of military and political terminology and realia** related to the Muslim world: "Saracens", "Arabs", "Africans", "emirs", "*qadi*" (*arcaidus* as "doctor of law"), as well as descriptions of cities in Sicily and North Africa (Palermo, Trapani, Mazara, Sfax, Tripoli). Here it is important to avoid modernization and to preserve the historical context.

The third group is **stylistic adaptation** of the Latin text, saturated with biblical allusions, quotations from Ovid and Seneca, and rhetorical figures. The translation must convey both the literal meaning and the literary form, without turning into a free retelling.

The paper will present specific examples of translation solutions, a comparison with the Italian scholarly translation by A. Brescia, and propose principles for working with Eastern material in Latin chronicles.

А. Резаипуя

(независимый исследователь)

Медицинские тексты Центральной Азии XVII века как исторический источник (контекстуальный анализ)

Ключевые слова: Абу-л-Гази Бахадур-хан; Аштарханиды; Бухарское ханство; персидская литература; Субхан-Кули-хан; традиционная медицина; Хивинское ханство; чагатайская литература

В XVII в. в среднеазиатских ханствах был создан ряд медицинских сочинений на персидском и чагатайском языках. К наиболее значимым из них относятся *Манафи^ʿ-и инсан* Абу-л-Гази Бахадур-хана (правителя Хивы, 1644–1663) и медицинские сочинения Субхан-Кули-хана (правителя Балха и Бухары, 1651–1702): *Ихйа-йи тибб-и Субхани*, *Табиблик китаби* и *Хуласат ал-хукама*. Несмотря на изучение отдельных памятников в контексте истории науки, их значение для изучения политической и идеологической истории Центральной Азии остаётся практически неисследованным. Настоящее исследование опирается на анализ неопубликованных рукописей — *Ихйа-йи тибб-и Субхани* из ИВР РАН и *Манафи^ʿ-и инсан* из РНБ. Центральная гипотеза работы состоит в том, что медицинские сочинения функционировали как средство кодирования и трансляции политических идей. В досовременной традиции медицина выступала универсальной моделью осмысления порядка — космического, социального и индивидуального. В рамках этой традиции ключевую роль играла концепция умеренности (*и^ʿтидал*), связывавшая здоровье организма с устойчивостью государственного тела и космическим равновесием. Посредством

этой концепции правители-врачи конструировали образ идеального правления, представляя себя врачами, способными исцелять «болезни» социального организма. Методологический подход предусматривает анализ медицинского дискурса как средства политической рефлексии. Выявляются способы взаимодействия медицинских и политических концептов, исследуется использование медицинской терминологии для легитимации власти, изучаются представления о справедливом правлении, закодированные в обсуждении здоровья и болезни. Особое внимание уделяется метафоре государства как организма и образу правителя-врача. Таким образом, медицинские тексты Центральной Азии XVII века предстают источниками первостепенной важности для понимания политической мысли среднеазиатских ханств. Новое прочтение этих сочинений расширяет представления об интеллектуальной истории региона и показывает, как политическая легитимность правления связывалась с овладением научным знанием и синтетическим осмыслением космического порядка.

Ali Rezaeepuya

(Independent researcher)

Medical Texts of Central Asia in the 17th Century as a Historical Source (Contextual Analysis)

Keywords: Abu al-Ghazi Bahadur Khan; Ashtarkhanids; Chagatai literature; Khanate of Bukhara; Khanate of Khiva; Persian literature; pre-modern medicine; Subhan-Quli Khan

In the seventeenth century, a number of medical treatises were produced in the Central Asian khanates in Persian and Chagatai. Among the most significant are *Manāfi'-yi insān* by Abu'l-Ghazi Bahadur Khan (ruler of Khiva, 1644–1663) and the medical

works of Subhan-Quli Khan (ruler of Balkh and Bukhara, 1651–1702): *Ihyā'-yi tibb-i Subhānī*, *Ṭabīblik kitābī*, and *Khulāṣat al-ḥukamā'*. Despite the study of some of these works in the context of the history of science, their significance of their entire textual corpus for the study of the political and ideological history of the Central Asia remains unexplored. This study draws on an analysis of unpublished manuscripts — *Ihyā'-yi tibb-i Subhānī* from IOM RAS and *Manāfi'-yi insān* from NLR. The central hypothesis of the study is that medical treatises functioned as a means of encoding and transmitting political ideas. In the premodern tradition, medicine served as a universal model for conceptualizing order — cosmic, social, and individual. Within this tradition, the concept of moderation (*i'tidal*) played a key role, linking bodily health to the stability of the body politic and cosmic equilibrium. Through this concept, physician-rulers constructed an image of ideal governance, presenting themselves as physicians capable of curing the “diseases” of the social body. The methodological approach involves analyzing medical discourse as a means of political reflection. The study identifies modes of interaction between medical and political concepts, examines the use of medical terminology to legitimize authority, and explores notions of just rule encoded in discussions of health and disease. Particular attention is paid to the metaphor of the state as a body and to the image of the physician-ruler. Thus, medical texts from seventeenth-century Central Asia emerge as sources of primary importance for understanding the political thought of the Central Asian khanates. A new reading of these works broadens our understanding of the region’s intellectual history and demonstrates how the political legitimacy of rule was linked to the acquisition of scientific knowledge and a synthetic understanding of cosmic order.

М. Л. Рейснер
(ИСАА МГУ)

Удивительная «Хафизиана» в газелях Са'иба Исфахани (XVII в.): специфика организации текста

Ключевые слова: газель; прием «красота концовки»; Са'иб Исфахани; самовосхваление поэта; Хафиз Ширази

Доклад продолжает линию изучения авторских способов реализации приема «красота концовки» (*husn al-maқта*) в газели. Речь пойдет о специфике структурной организации завершающих бейтов тех газелей Са'иба Исфахани, в которых наряду с его собственной «подписью» (*taxalluṣ*) упоминается имя великого предшественника — Хафиза Ширази (XIV в.). Общими маркерами во всем корпусе этих текстов (31 газель), кроме имени Хафиза, являются упоминание Ширази, почетный титул поэта — *Хаджа*, хвалебный эпитет — сладкоречивый.

Все тексты можно разделить на два подвида. Первый составляют «ответы» (*jawab*) Са'иба на газели Хафиза. Они образуют своего рода цикл, поскольку лексическое и синтаксическое оформление их завершающих бейтов отличается единообразием. Помимо имени Хафиза, финал газели-ответа включает цитату (*tazmin*) из газели-образца. Вторым подвидом составляют газели Са'иба, в которых имя Хафиза упоминается в контексте мотивов самовосхваления (*fahṛ*) автора. Такие концовки содержат и элементы славословия Хафизу. Применяемая в них лексика отчасти повторяют ту, которая встречается в ответных газелях. В ответах Са'иба помимо общих маркеров могут повторяться термины *jazal* и *jawab*. В газелях второго подвида ключевые лексемы-

маркеры типичны для темы «поэта и поэзии» — «стиль» (*tarz*), «перо» (*kilk, xama*).

Особенности стихотворений, образующих «Хафизиану» Са'иба, являются частным случаем проявления универсальной модели композиционного завершения произведения в персидской поэтической традиции. Разные типы стандартных концовок отмечаются во всех формах персоязычной поэзии. Некоторые из них распространяются на все произведения определенной формы, другие охватывают лишь часть произведений (например, *кыт'а*-хронограммы), третьи — это варианты авторских концовок, не имеющие аналогов у других поэтов. К этой третьей категории можно отнести и выделенные нами газели Са'иба, содержащие упоминание имени Хафиза.

Marina L. Reysner

(Institute for Asian and African cultures MSU)

The remarkable *Hafiziana* in the ghazals of Sa'ib Isfahani (17th ct.): the specifics of text organization

Keywords: ghazal; Hafiz Shirazi; poetic figure 'beauty of the ending'; poet's self-praise; Sa'ib Isfahani

The report continues the line of research into the author's methods of implementing the "beauty of the ending" (*husn al-ma'qta'*) technique in ghazals. We will discuss the specific features of the structural organization of the concluding *beyts* in those ghazals by Sa'ib Isfahani (17th ct.) in which, along with his own "signature" (*taxalluṣ*), the name of his great predecessor, Hafiz Shirazi (14th ct.), is mentioned. The common markers across the entire corpus of these texts (31 ghazals), in addition to Hafiz's

name, include the mention of Shiraz, the poet's honorary title — *Hajja*, and the laudatory epithet “sweet-tongued”.

All texts can be divided into two sub-types. The first consists of Sa'ib's “responses” (*jawab*) to Hafiz's ghazals. They form a kind of cycle, since the lexical and syntactic structure of their concluding couplets is uniform. In addition to Hafiz's name, the ending of the response ghazal includes a quotation (*tazmin*) from the model ghazal. The second subtype consists of Sa'ib's ghazals, in which Hafiz's name is mentioned in the context of the author's self-praise (*faxr*). Such endings also contain elements of praise for Hafiz. The vocabulary used in them partly repeats the one found in the response ghazals. In Sa'ib's responses, in addition to common markers, the terms *ghazal* and *jawab* may be repeated. In the ghazals of the second sub-type, the key marker lexemes are typical of the theme of “the poet and poetry” — “style” (*tarz*), “pen” (*kilk, xamā*).

The characteristics of the poems that form Sa'ib's *Hafiziana* are a particular manifestation of the universal model of compositional conclusion in the Persian poetic tradition. Different types of standard conclusions are observed in all forms of Persian-language poetry. Some of them apply to all works of a certain form, others cover only part of the works (for example, *qit'a*-chronograms), and still others are variations of the author's own conclusions that have no counterparts among other poets. This third category can also include the ghazals by Sa'ib we have identified, containing a mention of the name *Hafiz*.

В. А. Розов
(СПбГУ)

«Ни восточной, ни западной...»: коранические термины, обозначающие стороны света¹

Ключевые слова: восток; запад; картина мира; Коран; стороны света; суфизм; *тафсир*

Доклад посвящен терминам, описывающим стороны света в Коране. Корпусный анализ текста Корана показал, что термины, образованные от корней š-r-q и ġ-r-b имеют в большей степени временное («время восхода» и «время заката»), а не пространственное («восток» и «запад») значение. При этом понятия «север» и «юг» вообще не используются — вместо них употребляются слова «лево» и «право». Это позволяет говорить о приоритетности оси «восток» — «запад», а также позволяет поставить вопрос о соотношении концептов времени и пространства в коранической картине мира. В ней, как и в других традиционных культурах, время и стороны света напрямую связывались с наблюдаемым движением солнца по небосклону. При этом термины со значением «восток» и «запад» часто используются в метафорах и сравнениях, описывающих могущество Бога в терминах расстояния, и соотносятся с распространенной в Коране метафорой света как проявления божественного могущества и милости. В этом контексте термины, обозначающие восток и запад, приобретают этическое измерение, что находит отражение и в *тафсирах*, в первую очередь суфийских.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00996, <https://rscf.ru/project/25-28-00996>.

Особенно показательным примером этого являются различные толкования на аят 24:35 («Аят света»), где определение маслины как «ни восточной, ни западной» толкуется двояко. В историко-филологических комментариях эти термины интерпретируются буквально, причем именно в связи с темпоральным значением (дерево стоит так, что максимально полно получает в течение дня солнечный свет как на восходе, так и на закате). Уже на этой основе поздние рационалисты, богословы и суфии начали строить различные символические уровни смысла: от образа чистой религии Ибрахима до идеи духовного света, который превосходит всякую дуальность.

Vladimir A. Rozov

(Saint Petersburg State University)

“Neither of the East nor of the West...”: On Qur’anic Terms Denoting the Cardinal Directions¹

Keywords: cardinal directions; East; Qur’an; Sufism; *tafsir*; West; worldview

The study examines the terms used to denote the cardinal directions in the Qur’an. A corpus-based analysis of the Qur’anic text has shown that terms derived from the roots *ṣ-r-q* and *ġ-r-b* have primarily a temporal meaning (“time of sunrise” and “time of sunset”) rather than a spatial one (“east” and “west”). At the same time, the concepts of “north” and “south” are not used at all; instead, the words “left” and “right” are employed. This suggests the priority of the “east – west” axis and also raises the question of the relationship between the concepts of time and space in the

¹ The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-00996, <https://rscf.ru/en/project/25-28-00996/>.

Qur'anic worldview. As in other traditional cultures, time and the cardinal directions in this worldview were directly associated with the observable movement of the sun across the sky. At the same time, terms meaning "east" and "west" are frequently used in metaphors and comparisons describing God's power in terms of distance, and are associated with the widespread Qur'anic metaphor of light as the manifestation of His divine power and mercy. In this context, the terms denoting east and west acquire an ethical dimension, which is also reflected in *tafsir* literature, especially in Sufi commentaries. A particularly illustrative example is provided by the various interpretations of verse 24:35 ("The Verse of Light"), in which the description of the olive tree as "neither Eastern nor Western" is interpreted in two different ways. In historical-philological commentaries, these terms are interpreted literally, specifically in connection with their temporal meaning: the tree is placed to receive the maximum amount of sunlight throughout the day, both at sunrise and at sunset. On this basis, later rationalists, theologians, and Sufis began to develop various symbolic levels of meaning, ranging from the image of Abraham's pure religion to the idea of spiritual light that transcends all duality.

К. В. Руссу
(НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург)

Хронология мамлюкских наместников провинции Алеппо в трудах арабских историков Средневековья¹

Ключевые слова: Алеппо; бахриты; бурджиты; мамлюки; наместник

Источники на арабском языке таких авторов, как Ибн Шаддад (1217–1285), Бейбарс ал-Мансури (1245–1325), ал-Макризи (1364–1442), Ибн Тагриберди (1410–1470) и Ибн Ийас (1448–1524), позволяют более детально взглянуть на одну из важнейших административных должностей в Мамлюкском султанате — наместника султана провинции Алеппо.

В хрониках содержатся сообщения о 115 назначениях мамлюкских наместников Алеппо в период с 1260 по 1516 г. Большинство назначений содержит краткую информацию, однако деятельность некоторых наместников описана более подробно, так как авторы хроник были современниками их правления.

И Алеппо, и Дамаск служили крупными провинциальными столицами, непосредственно подчинявшимися султану в Каире. Тем не менее, Дамаск часто занимал более высокое стратегическое положение как главный штаб мамлюков в Леванте, в то время как Алеппо выступал в качестве важнейшего северного бастиона, защищающего границу от монголов. Когда эмиров направляли из Дамаска, это не рассматривалось как наказание, поскольку должности

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 25-28-02699,
<https://ias.rscf.ru/user/doc/a.w.p.2025.118.main/24668061>.

наместников Алеппо и Дамаска, как правило, считались равными. Однако, когда наместник Алеппо получал повышение, его часто переводили на должность наместника Дамаска, которая была выше аналогичной должности в Алеппо. За редкими исключениями, наместники, назначенные в Алеппо, занимали свой пост не более двух лет. Эта ситуация была вызвана внутренними беспорядками и борьбой за власть в мамлюкском государстве. Также в Алеппо наместники время от времени восставали против султана или даже объявляли себя правителями.

Использование хронологического метода позволяет решить несколько задач: очертить периоды, нуждающиеся в углублённом сравнительном анализе, синхронизировать график смены наместников в Алеппо с ключевыми политико-экономическими событиями Египта и Сирии и, наконец, объективно оценить, произошли ли системные изменения в провинциальной политике мамлюков после отхода от династийного принципа наследования.

Konstantin V. Russu

(HSE University — Saint Petersburg)

Chronology of Mamluk viceroys of the province of Aleppo in the works of medieval Arab historians¹

Keywords: Aleppo; Bahri; Burji; Mamluks; viceroy

Arabic-language sources by authors such as Ibn Shaddād (1217–1285), Baybars al-Mansūrī (1245–1325), al-Maqrīzī (1364–1442), Ibn Taghrībirdī (1410–1470), and Ibn Iyās (1448–

¹ The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 25-28-02699, <https://ias.rscf.ru/user/doc/a.w.p.2025.118.main/24668061>.

1524) offer a detailed look at one of the most important administrative positions in the Mamluk Sultanate: the sultan's viceroy (*nā'ib al-salṭana*) of the province of Aleppo.

The chronicles record 115 appointments of Mamluk viceroys of Aleppo between 1260 and 1516. While most viceroys are mentioned only briefly, the activities of some are described in greater detail, as the chroniclers were contemporaries of their rule.

Both Aleppo and Damascus served as major provincial capitals directly subordinate to the sultan in Cairo. However, Damascus often held a more significant strategic position as the Mamluk headquarters in the Levant, whereas Aleppo served as a crucial northern bastion defending the border against the Mongols. The transfer of emirs from Damascus was not viewed as a punishment, as the viceroyalty of Aleppo and Damascus were generally considered equal in rank. Yet, when a viceroy of Aleppo received a promotion, he was often transferred to the viceroyalty of Damascus, a post considered superior to its counterpart in Aleppo. With rare exceptions, viceroys appointed to Aleppo held office for no more than two years. This situation stemmed from internal unrest and power struggles within the Mamluk state; furthermore, viceroys in Aleppo would occasionally rebel against the sultan or even declare themselves rulers.

Using the chronological method makes it possible to address several objectives: to delineate periods requiring in-depth comparative analysis; to synchronize the timeline of gubernatorial successions in Aleppo with key political and economic events in Egypt and Syria; and, finally, to objectively assess whether systemic changes occurred in Mamluk provincial policy following the departure from the dynastic principle of succession.

И. Р. Саитбатталов

(Уфимский университет науки и технологий)

«Четыре времени года» Мухаммада-‘Али Чукури: пейзажная лирика или мистический комментарий?¹

Ключевые слова: литература Башкирии; Мухаммад-Али Чукури; суфизм; суфийская литература; язык тюрки

Стихотворение-маснави «Четыре времени года» (ар. *Фусул арба‘а*) поэта-суфия Мухаммада-‘Али Чукури (1826–1889), никогда полностью не переводившееся с языка тюрки на современные языки, считается одной из вершин ранней пейзажной лирики в башкирской литературе XIX века. На уровне лирического сюжета произведение действительно изображает картины природы, свойственные каждому из времён года, изменения в состоянии растений и животного мира, связанные с ними перемены в образе жизни и поведении людей.

Анализ двух авторских предисловий к стихотворению, а также его полного текста демонстрирует, что оно создавалось как разъяснение (ар. *шарх*) к отдельным стихам из произведений среднеазиатского поэта XVII века Суфи Аллахйара *Сабат ал-‘аджизин* «Стойкость слабых» и *Мурад ал-‘арифин* «Цель познавших» и некоторым стихам Корана (17: 44), а около трети его объёма носит ярко выраженный дидактический характер. Картины природы призваны проиллюстрировать тезис Аллахйара о сотворении времён года Богом в качестве источника разнообразных благ для людей.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02900, <https://rscf.ru/project/25-28-02900/>.

Подробное изображение того, как она изменяется с течением времени, подводит поэта и читателя к выводу о том, что всё сотворённое свидетельствует о единстве Бога (ар. *вахдат аш-шухūd*). Дидактические пассажи описывают практики суфийского ордена *Накиббандийа* как наиболее адекватный способ выражения благодарности Богу за эти блага.

Стихотворение «Четыре времени года» по содержанию и композиции, выражаемым идеям и способам их артикуляции заметно отличается от обнаруженных недавно ранних стихов Мухаммада-‘Али Чукури о природе, в которых непосредственные наблюдения ещё не подчинены напрямую религиозно-философской сверхидее. Сопоставление ранних стихов о природе и «Четырёх времён года» способно пролить свет на эволюцию стиля и художественного мышления башкирского мистика.

Iskander R. Saitbattalov

(Ufa University of Science and Technologies)

‘The Four Seasons’ by Muhammad ‘Ali Chuquri: Nature Poetry or Mystical Commentary?¹

Keywords: literature of Bashkiria; Muhammad ‘Ali Chuquri; Sufi literature; Sufism; Turki language

The *masnawi* poem “The Four Seasons” (ar. *Fuṣūl arba’a*) by the Sufi poet Muḥammad-‘Alī Čūqurī (1826–1889), never fully translated from the Old Turkic language into modern languages, is considered one of the peaks of early landscape lyricism in Bashkir literature of the 19th century. At the level of the lyrical

¹ The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 25-28-02900, <https://rscf.ru/project/25-28-02900/>.

plot, the work really depicts pictures of nature characteristic of each of the seasons, changes in the state of plants and wildlife, and associated changes in the lifestyle and behavior of people.

An analysis of the two author's prefaces to the poem, as well as its full text, demonstrates that it was created as an explanation (ar. *šarḥ*) to individual verses from the works of the Central Asian poet of the 17th century Šūfī Allahyār *Ṣabāt al-ʿājizīn* "The Fortitude of the Weak" and *Murād al-ʿārifīn* "The Purpose of Gnostics" and some verses of the Qur'an (17: 44), and about a third of its volume is bright pronounced didactic character. The pictures of nature are intended to illustrate Allahyar's thesis about the creation of seasons by God as a source of various benefits for people. A detailed depiction of how it changes over time leads the poet and the reader to the conclusion that everything created testifies to the unity of God (ar. *waḥdat al-šuhūd*). Didactic passages describe the practices of the *Naqshbandiyya* Sufi order as the most adequate way of expressing gratitude to God for these benefits.

The poem "The Four Seasons" in content and composition, the ideas expressed and the methods of their articulation differs markedly from the recently discovered early poems of Muḥammad-ʿAlī Čūqurī about nature, in which direct observations are not yet directly subordinated to a religious-philosophical superidea. A comparison of early poems about nature and "The Four Seasons" can shed light on the evolution of the style and artistic thinking of the Bashkir mystic.

А. Свенцис
(НИУ ВШЭ)

Параллелизм в сокотрийской поэзии в свете северозападносемитской поэтической традиции

Ключевые слова: параллелизм; северозападносемитские языки; сокотрийский язык; сравнительное семитское языкознание; устная поэзия

Сокотрийская устная поэзия представляет собой мало-исследованный материал для сравнительного изучения семитской поэтики. Первые публикации сокотрийской поэзии были осуществлены Д. Г. Мюллером, который уже отмечал отдельные параллели между сокотрийской и библейской поэзией (Müller 1902; 1905). Впоследствии это направление исследования получило развитие в работе Л. Е. Когана (2020), посвящённой тематическим и стилистическим соответствиям между сокотрийскими текстами и поэтическими книгами Ветхого Завета. Новый корпус сокотрийских текстов *The Oral Art of Soqatra* под редакцией М. Моррис представляет собой обширное собрание поэтического материала.

В докладе рассматривается один из важнейших механизмов семитской поэтики — параллелизм. На материале текстов, вошедших в корпус Моррис, анализируются различные типы соответствия между колонами (*бейтами*): синонимический и антитетический параллелизм, хиастическая организация биколона, вариации грамматического параллелизма, а также фонетический и репетитивный параллелизм.

Параллелизм в сокотрийской поэзии не ограничивается лексическим повтором или общей семантической эквивалентностью: во многих случаях соответствие между колонами выражается на синтаксическом, грамматическом и фонологическом уровнях. Ряд выявленных структур имеет близкие соответствия в библейской и угаритской поэзии. Особый интерес представляют некоторые нетривиальные типы параллелизма, включая числовой параллелизм, пассивизацию, эллипсис и др.

Таким образом, сокотрийский материал демонстрирует значительное структурное сходство с северозападносемитскими традициями — преимущественно с поэзией Библии и Угарита. В докладе обсуждается возможное историческое значение этих соответствий и предлагается рассматривать их прежде всего как важный материал для сравнительной типологии семитской поэтики.

Anton Svencis
(HSE University)

Parallelism in Soqotri Poetry in the Light of the Northwest Semitic Poetic Tradition

Keywords: comparative Semitic linguistics; Northwest Semitic languages; oral poetry; parallelism; Soqotri

Soqotri oral poetry remains an underexplored body of material for the comparative study of Semitic poetics. The first publications of Soqotri poetry were made by D. H. Müller, who already pointed out individual parallels between Soqotri and Biblical poetry (Müller 1902; 1905). This line of research was subsequently developed by L. Kogan (2020) in a study devoted to thematic and stylistic correspondences between Soqotri texts and the poetic

books of the Old Testament. The new corpus of Soqotri texts *The Oral Art of Soqoṭra*, edited by M. Morris, constitutes an extensive collection of poetic material.

The paper examines one of the central mechanisms of Semitic poetics — parallelism. On the material of the texts included in the Morris corpus, it analyses various types of correspondence between cola (bayts): synonymous and antithetical parallelism, the chiasmic organisation of the bicolon, varieties of grammatical parallelism, as well as phonetic and repetitive parallelism.

Parallelism in Soqotri poetry is not limited to lexical repetition or general semantic equivalence: in many cases the correspondence between cola is expressed at the syntactic, grammatical and phonological levels. A number of the structures identified have close counterparts in Biblical and Ugaritic poetry. Of particular interest are several non-trivial types of parallelism, including numerical parallelism, passivisation, ellipsis and others.

The Soqotri material thus displays a considerable structural affinity with the Northwest Semitic traditions — primarily with the poetry of the Bible and Ugarit. The paper discusses the possible historical significance of these correspondences and proposes to regard them first and foremost as valuable evidence for the comparative typology of Semitic poetics.

О. А. Соколов
(СПбГУ)

**Версии происхождения франков
в арабских источниках XIV–XVII вв.:
между генеалогией и географией**

Ключевые слова: генеалогия; география; ислам; Крестовые походы; Ной

На протяжении XIV–XVII вв. в трудах арабских авторов прослеживаются две доминирующие генеалогические модели происхождения франков: доминирующая генеалогия от Йафиса (Иафета) и значительно менее распространенная от Хама. Йафетидская модель опиралась на знания, почерпнутые из «Таблицы народов» Книги бытия, которая относилась к северным и западным народам к потомкам Иафета. Эти сведения подтверждались с опорой на представления о географии и расселении народов, с которыми взаимодействовали арабы. Наиболее подробно яфетидская версия представлена у Ибн Халдуна, ал-Калкашанди и ал-Макризи, которые приводят различные точки зрения на то, потомками какого из сыновей *Йафиса*, то есть внуков *Нуха*, являются франки. Хамитская модель в свою очередь представляет собой локальное нарушение этого консенсуса, обусловленное буквальным пространственным восприятием формулировки «потомки Хама живут к западу от Нила».

Арабские интеллектуалы изучаемого периода не пассивно воспроизводили устоявшиеся генеалогии, а сравнивали сведения арабской традиции с данными иудейских и латинских источников, отмечая расхождения и вариативность взглядов. Темпоральные характеристики по происхож-

дению: наибольшее число обращений у авторов XV–XVI вв., наибольшее число версий у энциклопедистов XV в. При этом даже в трудах по всемирной истории, созданных арабскими авторами XVII–XVIII вв., библейское происхождение франков упоминается реже, что укладывается в паттерн снижения интереса к доисламской истории на этом временном отрезке. Доминирующей концепцией на протяжении всего рассматриваемого периода при этом стало объединение франков в одной генеалогии с гогом и магогом.

Oleg A. Sokolov

(Saint Petersburg State University)

**Theories regarding the origins of the Franks
in Arabic sources of the 14th–17th centuries:
between genealogy and geography**

Keywords: the Crusades; genealogy; geography; Islam; Noah

Throughout the 14th–17th centuries, two dominant genealogical models regarding the origins of the Franks appear in the works of Arab authors: a dominant genealogy tracing them to *Yafith* (Japheth) and a far less common one tracing them to Ham. The Japhethite model relied on knowledge derived from the "Table of Nations" in the Book of Genesis, which classified northern and western peoples as descendants of Japheth. This information was corroborated by geographical concepts and knowledge of the settlement patterns of peoples with whom the Arabs interacted. The Japhethite version is presented in greatest detail by Ibn Khaldun, al-Qalqashandi, and al-Maqrizi, who offer various perspectives on which of Japheth's sons — and thus which of *Nuh's* (Noah's) grandsons — was the ancestor of the Franks. The Hamitic model, for its part, represents a localized

departure from this consensus, stemming from a literal spatial interpretation of the statement that "the descendants of Ham live to the west of the Nile."

Arab intellectuals of the period did not merely passively reproduce established genealogies; they compared information from the Arab tradition with data from Jewish and Latin sources, noting discrepancies and variations in perspective. Regarding the chronology of these accounts, references are most frequent among authors of the 15th and 16th centuries, while the greatest number of versions appears in the works of 15th-century encyclopedists. However, even in works of universal history produced by Arab authors in the 17th and 18th centuries, the biblical origin of the Franks is mentioned less frequently — a trend consistent with the overall decline in interest in pre-Islamic history during this period. Throughout the era under review, the dominant concept was the grouping of the Franks within the same genealogical framework as Gog and Magog.

Д. Текаев

(Туркменский государственный педагогический институт
им. Сейитназара Сейди)

**Дипломатический памятник поздних Сельджукидов:
письмо султана Мухаммад-шаха II (1174–1187)
из сборника *ал-Мухтарат мин ар-раса'ил***

Ключевые слова: атабекство Ильденизидов; Малик Динар;
Мухаммад-шах II; огузы; Сельджукиды Кермана

После смерти сельджукского султана Ахмада Санджара в 1157 г. керманские сельджукиды продолжали править в Кермане. Во второй половине XII в. султанат оказался в состоянии глубокого кризиса, обусловленного династическими конфликтами и вторжением кочевников. Кульминацией этого упадка стала ситуация 1187 г., когда большую часть провинции захватили огузы Малика Динара, а под контролем султана Мухаммад-шаха II оставалась лишь столица — Бардасир.

В попытке предотвратить окончательный крах государства Мухаммад-шах покинул город и направил письмо ильдегизидскому атабеку Азербайджана Кызыл Арслану — наиболее могущественному правителю Западного Ирана. Этот документ, сохранившийся в рукописном сборнике XIII в. *ал Мухтарат мин ар раса'ил* «Избранное из посланий», переписанном Махмудом ал Атабеки, является единственным известным посланием из канцелярии Керманских Сельджукидов и редчайшим образцом дипломатического жанра «*истигаса*» (просьбы о помощи).

В послании султан выстроил стратегию убеждения, опирающуюся на три ключевых аргумента. Во-первых, он

представил конфликт как борьбу законного порядка с силами смуты, призывая атабека защитить веру. Во-вторых, Мухаммад-шах пошёл на беспрецедентный отказ от суверенитета: он назвал Керман «частью Ирака» и выразил готовность признать верховную власть Кызыл Арслана. В-третьих, он убеждал адресата в слабости огузов и лёгкости победы над ними, подчёркивая политическую выгоду вмешательства.

Однако дипломатические усилия не принесли результата. Кызыл Арслан не оказал помощи, местная знать поддержала Малика Динара, Бардасир пал, а последующие попытки Мухаммад-шаха заручиться поддержкой хорезмшаха Текеша также провалились. В итоге султан скончался в изгнании. Тем не менее, это письмо служит ценным источником для реконструкции механизма падения султаната и позволяет раскрыть особенности политического мышления позднесельджукской элиты в эпоху дезинтеграции — в частности, представления о легитимности власти и способах её сохранения через внешние союзы и символические уступки.

Dinmuhammet Tekayev

(Seyitnazar Seydi Turkmen State Pedagogical Institute)

A Diplomatic Monument of the Late Seljuks: The Letter of Sultan Muhammad-Shah II from the Collection *al-Mukhtarat min al-Rasa'il*

Keywords: Ildegizids atabegate; Malik Dinar; Muhammad Shah II; oghuzs; Seljuks of Kerman

In the second half of the 12th century, the sultanate entered a period of profound crisis caused by dynastic conflicts and nomadic invasions. This decline culminated in 1187, when the Oghuz under Malik Dinar seized most of the province, leaving

Sultan Muhammad Shah II in control of only the capital, Bardasir. In an effort to prevent the final collapse of his state, Muhammad Shah left the city and dispatched a letter to the Ildegizid Atabeg of Azerbaijan, Qizil Arslan, the most powerful ruler in Western Iran. Preserved in the 13th century manuscript collection *al-Mukhtārāt min al-Rasā'il* "Selected Epistles" transcribed by Mahmud al-Atabeki, this document represents the only known letter originating directly from the chancery of the Kerman Seljuks and a rare example of the diplomatic genre of *istighātha* (a plea for help). In this epistle, the sultan constructed a persuasive strategy based on three key arguments. First, he framed the conflict as a struggle between legitimate order and sedition, appealing to the Atabeg to defend the Islamic faith. Second, Muhammad Shah made an unprecedented concession of sovereignty, describing Kerman as "part of Iraq" and expressing willingness to recognize Qizil Arslan's suzerainty. Third, he argued that the Oghuz were weak and easily defeatable, emphasizing the political advantages of intervention. However, these diplomatic efforts proved futile. Qizil Arslan provided no assistance, the local nobility backed Malik Dinar, Bardasir fell, and Muhammad Shah's subsequent attempt to secure aid from the Khwarazmshah Tekish also failed, leading to the sultan's death in exile. Nevertheless, the letter serves as a crucial source for reconstructing the downfall of the sultanate and elucidating the political thought of the late Seljuk elite during an era of disintegration — specifically their views on legitimacy and the preservation of power through external alliances and symbolic concessions.

Д. М. Тимохин
(ИВ РАН)

**Версии происхождения «камня дождя»
в сочинении Мухаммада Нишапури (XII в.): к вопросу
об историографической преемственности**

Ключевые слова: камень дождя; кочевые тюркские племена; мусульманская историография; Мухаммад Нишапури

В представленном докладе нам хотелось бы обратить внимание слушателей на сравнительно слабоизученный в современном востоковедении памятник — сочинение Мухаммада ибн Аби ал-Бараката Джухари Нишапури *Джавахир-наме-йи Низами* «Книга драгоценных камней Низами» (جواهر نامه نظامی). Данный источник был долгое время неизвестен широкой научной общественности, и лишь в 2004 г. на основании пяти списков было опубликовано его критическое издание, из которого нами был взят раздел о «камне дождя». Об этом магическом артефакте и его особенностях, равно как и о версиях его происхождения в сочинениях мусульманских историков и географов, был почти исчерпывающий ответ в классической монографии А. Мольнара, однако по понятным причинам непосредственно вариант этого нарратива у Мухаммада Нишапури остался почти вне поля зрения этого исследователя (почему почти — мы также объясним в рамках нашего доклада). В свою очередь указанный мусульманский автор отмечает в своем рассказе о «камне дождя» не только хорошо известную версию происхождения этого артефакта из земли карлуков, но и гораздо менее изученный вариант, согласно которому «камень дождя» представляет собой некую разновидность «безоара».

Нами будут рассмотрены обе эти версии из состава *Джавахир-наме-йи Низами*, а также выделены историографические связи между соответствующим разделом из сочинения Мухаммада Нишапури и более ранними, а также и более поздними памятниками мусульманской историографии. Однако отдельное внимание, разумеется, будет уделено наименее изученной «безоаровой» версии происхождения «камня дождя», поскольку, вероятнее всего, один из наиболее ранних ее вариантов представлен как в *Джавахир-наме-и Низами*.

Dmitry M. Timokhin

(Institute of Oriental Studies RAS)

**Versions of the origin of the «rainstone»
in the work of Muhammad Nishapuri (12th century):
on the issue of historiographical continuity**

Keywords: Muhammad Nishapuri; Muslim historiography; nomadic Turkic tribes; rainstone

In the presented report, we would like to draw the audience's attention to a relatively understudied monument in modern Oriental studies – the work by Muhammad ibn Abi al Barakat Juhari Nishapuri, *Javahir name-yi Nizami* «The Book of Nizami's Precious Stones» (جواهر نامه نظامی). This source was unknown to the wider scientific community for a long time, and it was only in 2004 that a critical edition was published based on five manuscripts; we took the section about the “rainstone” from it. This magical artifact and its characteristics, as well as the theories regarding its origins in the works of Muslim historians and geographers, received an almost exhaustive treatment in A. Molnár's classic monograph; however, for obvious reasons, Muhammad

Nishapuri's version of this narrative largely fell outside the scope of this researcher's attention (we will also explain why «almost» in the framework of our presentation). In turn, the aforementioned Muslim author notes in his account of the «rain stone» not only the well known version of the origin of this artifact from the land of the Qarluks, but also a much less studied variant, according to which the «rain stone» is a certain type of «bezoar». We will examine both of these versions from the *Javahir name yi Nizami* and also highlight the historiographical connections between the relevant section of Muhammad Nishapuri's work and earlier as well as later monuments of Muslim historiography. However, special attention will naturally be paid to the least studied «bezoar» version of the origin of the «rain stone», since one of its earliest variants is most likely presented in the *Javahir name yi Nizami*.

М. В. Торопыгина
(ИБ РАН)

Книжный рынок в Японии XVII века (на материале книготоргового каталога 1670 года)

Ключевые слова: XVII век; книжный рынок; коммерческое книгопечатание; книготорговый каталог; рубрикация

Коммерческое книгоиздание появилось в Японии в первой половине XVII века, и уже к его середине возникла необходимость в информации о той продукции, которая составляет книжный рынок. В ответ на этот запрос появились первые книготорговые каталоги - *сёдзяку мокуроку*. Первый изданный *сёдзяку мокуроку* относится к 1666, последний — к 1801 году. В каталоги включались те издания, которые в момент выпуска каталога были в продаже, они не охватывали весь книжный рынок, но показывали его значительный сегмент. Большинство отраженных в каталогах публикаций были осуществлены в Киото, главном книгоиздательском центре того времени. Единой схемы библиографического описания выработано не было, во всех каталогах даются названия книг и количество томов, остальные сведения варьируются, это могут быть: имя автора; формат; сведения о наличии или отсутствии разметки для книг на китайском языке; краткое описание содержания; цена. Целевой аудиторией книготорговых каталогов являлись в первую очередь сами книготорговцы (они же книгоиздатели). Основной причиной прекращения выпуска подобных каталогов исследователи считают разросшийся книжный рынок.

По организации материала книготорговые каталоги делятся на две категории: алфавитные (*ироха мокуроку*) и тематические (или предметные — *бунруи мокуроку*).

Каталог 1670 года — тематический. Общая схема рубрикации таких каталогов появилась в каталоге 1666 года, где издания распределены по 22 разделам. Каталог 1670 дополняет и уточняет рубрикацию, его материал распределен по 36 рубрикам. В каталог включены сведения о порядка 3900 изданиях.

Анализ материала данного каталога показывает, что основу книжного рынка в это время составляет буддистская литература. Буддистские книги — это более 40% рынка. Следующими разделами, которые включают наибольшее количество изданий, являются «Конфуцианство» и «Медицина». Рубрикация части каталога, относящейся к японским сочинениям, показывает большое разнообразие издаваемой печатной продукции.

Maria V. Toropygina

(Institute of Oriental Studies RAS)

The book market in 17th century Japan (based on the booksellers' catalogue of 1670)

Keywords: book market; booksellers' catalogue; commercial printing; subject headings; 17th century

Commercial book publishing emerged in Japan in the first half of the 17th century, and by the middle of the century, arose a need for information about the products accumulated at the book market. The first booksellers' catalogue (*shojaku mokuroku*), appeared in response to this demand. The first catalogue was published in 1666, the last in 1801. *Shojaku mokuroku* included those

publications that were available on the market at the time of the catalogue release. While the catalogues did not cover the entire book market, they did represent its significant segment. Most of the publications reflected in the catalogues were produced in Kyōto, the main publishing center of the time. No uniform bibliographic description scheme was developed, all catalogues provide book titles and number of volumes, while other information varies, including: author's name; format; information on the presence or absence of markings for books in Chinese; a brief description of the contents; price. The target audience of booksellers' catalogues was primarily booksellers/publishers themselves. The expanding book market became the main reason for the cessation of the publication of such catalogues.

According to the organization of the material, booksellers' catalogues are divided into two types: alphabetical (*iroha moku-roku*) and thematic (or subject — *bunrui mokuroku*) catalogues.

The 1670 catalogue is a thematic one. The general subject headings scheme for such catalogues appeared in the 1666 catalogue, where the book titles are divided into 22 sections. The 1670 catalogue expands and refines the categorization, dividing its material into 36 sections. The catalogue includes information on approximately 3,900 publications.

Analysis of this catalogue's material shows that Buddhist literature formed the bulk of the book market at this time. Buddhist books accounted for over 40% of the market. The next sections, which include the largest number of publications, are "Confucianism" and "Medicine." The section of the catalogue dealing with Japanese works shows the wide thematic variety of printed books.

С. В. Тхор
(ИБ РАН)

Свод законов *Хукум Канун Паханг* как источник по законодательству Паханга (XVI–XVII вв.)

Ключевые слова: адат; малайские законы; мусульманское право; Паханг

Свод законов *Хукум Канун Паханг* («*Hukum Kanun Pahang*») является важнейшим малайским письменным источником для изучения истории и законодательства султаната Паханг в XVI–XVII веках. Этот законодательный памятник был составлен во время правления султана Абдул Джафара Мухиуддина Шаха (1592–1614 гг.). *Хукум Канун Паханг* фактически является локальным изводом свода законов *Унданг-унданг Мелака* (XV–XVII вв.) и является примером продолжения традиций малайского мусульманского законодательства, установленных в Малаккском султанате (1400–1511 гг.).

Впервые свод законов *Хукум Канун Паханг* был упомянут в 1947 г. исследователями Дж. Э. Кемпе и Р. О. Винстедтом, обнаружившими в библиотеке Королевского азиатского общества в Великобритании рукописи У. Э. Максвелла (MS.A и MS.B). Вскоре после этого английский чиновник Р. У. Джейкман обнаружил еще одну рукопись *Хукум Канун Паханг* (MS.C, Swettenham MS, Perak Museum No. 48). В 1999 г. Якуб Иса впервые сообщил о найденной в 1993 г. четвертой рукописи *Хукум Канун Паханг* (MS.D, *Manuskript Muzium Negeri Pahang*). С 2019 г. продолжают исследования пятой рукописи (MS.E., *Kitab Istilah Bagi Raja dan Wazir Bagi Negeri Pahang Darussalam, Qanun Pahang*, MSS 2583B), хранящейся в

Государственной библиотеке Малайзии. И в 2026 г. была обнаружена еще одна рукопись (MS F.), хранящаяся в Государственном архиве Малайзии.

Исследователи связывают текст свод законов *Хукум Канун Паханг* со сводом законов *Унданг-унданг Мелака* текстом, более раннего малайского юридического памятника. Как и малаккское, законодательство султаната Паханг подверглось значительному влиянию исламского права (*hukum Islam*), особенно в статьях, регулирующих торгово-денежные и семейно-брачные отношения. Свод законов *Хукум Канун Паханг* регулировал закон не только султаната Паханг, но и султаната Перак и Джохорского султаната и позднее оказал непосредственное влияние на формирование современного брунейского законодательства.

Svetlana V. Tkhor

(Institute of Oriental Studies RAS)

***Hukum Kanun Pahang as a source
on the legislation of Pahang (XVI-XVII centuries)***

Keywords: adat; Malay laws; Muslim law; Pahang

The legal digest *Hukum Kanun Pahang* is a crucial Malay written source for the study of the history and legislation of the Sultanate of Pahang during the 16th and 17th centuries. This legislative source was compiled during the reign of Sultan Abdul Jafar Muhiuddin Shah (1592–1614). *Hukum Kanun Pahang* is essentially a local recension of the legal digest *Undang-Undang Melaka* (15–17th centuries) and exemplifies the continuation of the Malay muslim legal traditions established in the Malacca Sultanate (1400–1511).

The manuscript *Hukum Kanun Pahang* was first mentioned in 1947 by researchers J. E. Kempe and R. O. Winstedt, who discovered the W. E. Maxwell manuscripts (MS.A and MS.B) in the library of the Royal Asiatic Society in Great Britain. Shortly thereafter, the English official R. W. Jackman discovered another manuscript of *Hukum Kanun Pahang* (MS.C, Swettenham MS, Perak Museum No. 48). In 1999 Yakub Isa first reported on the fourth manuscript of *Hukum Kanun Pahang* (MS.D, *Manuskript Muzium Negeri Pahang*), discovered in 1993. Research has been ongoing since 2019 on the fifth manuscript (MS E, *Kitab Istilah Bagi Raja dan Wazir Bagi Negeri Pahang Darussalam, Qanun Pahang*, MSS 2583B), which is held at the National Library of Malaysia. And in 2026 another manuscript (MS F.) was discovered, which it is currently housed in the National Archives of Malaysia.

Researchers unequivocally link the legal digest *Hukum Kanun Pahang* to the legal digest *Undang-Undang Melaka*, an earlier Malay legal monument. Following the Malacca legislation the laws of the Sultanate of Pahang were significantly influenced by Islamic law (*hukum Islam*), particularly in the provisions governing commercial and financial matters as well as family and marital relations. The legal digest *Hukum Kanun Pahang* influenced the legal systems not only of the Sultanate of Pahang but also of the Sultanates of Perak and Johor, and later exerted a direct influence on the formation of modern Bruneian laws.

Е. В. Тюлина
(ИВ РАН)

**Пураны об устных и письменных источниках
своего текста**

Ключевые слова: *Агни-пурана; вастувидья; древняя и средневековая Индия; пураны; устный и письменный текст*

В научной литературе широко обсуждается вопрос о том, к какой традиции относятся *пураны* — письменной или устной. В Индии в древней традиции представление о сакральном знании основывалось на представлении о сакральном слове, которое передавалось непосредственно из уст учителя ученику. Однако именно *пураны*, по всей видимости, были первыми священными текстами, которые сложились на основе письменной фиксации. Свидетельства этому есть в самих *пуранах*. Хотя в *пуранах* говорится, что священный текст — это воплощенный в звуке образ Верховного бога (Брахмы, Шивы или Вишну, в зависимости от направления *пураны*), но в них изменяется отношение к священному тексту: в них сакральным признается именно не звучание, а образ написанного слова, его графическое изображение. Священный текст представляется в них не в виде учения, которое передается изустно, а в виде книги. Об этом свидетельствует то, что книги упоминаются среди других священных предметов в тех главах *пуран*, что посвящены *вастувидье*, то есть строительству и изобразительному искусству. В них описываются обряды, сопутствующие работе автора или переписчика, а также ритуал освящения книги, который во многом напоминает ритуал освящения участка для строительства, здания или скульптуры. В *пуранах* книга начинает

восприниматься как сакральный культовый предмет. Благодаря высокому статусу письменности, сакральным становится не только звучание *мантр* и священных слогов, а их графическое начертание. Об этом свидетельствуют также описания гаданий, при которых священные слоги и буквы санскритского алфавита располагаются определенным образом на разного рода гадательных таблицах.

Elena V. Tyulina

(Institute of Oriental Studies RAS)

Puranic perspectives on the oral and written origins of their textual tradition

Keywords: *Agni Purana*; ancient and medieval India; oral and written text; *Puranas*; *Vastuvidya*

Scholarly literature extensively discusses whether the *Puranas* should be classified as part of an oral or a written tradition. Traditionally in India, sacred knowledge was based on the concept of the 'sacred word' passed orally from teacher to disciple. It appears, however, that the *Puranas* were the first sacred texts to be established in written form. There is evidence of this in the *Puranas* themselves. Although the *Puranas* say that the sacred text is the image of the Supreme God embodied in sound (Brahma, Shiva or Vishnu, depending on the direction of the *Puranas*), they change their attitude to the sacred text: it is not the sound that is sacred in them, but the image of the written word, its graphic image. The sacred text is presented in them not in the form of doctrine, which is transmitted orally, but in the form of a book. This is evidenced by the fact that books are mentioned among other sacred objects in those chapters of the *Puranas* that deal with *vastuvidya*, that is, with construction and the visual arts.

They describe the rites accompanying the work of the author or scribe, as well as the ritual of consecration of the book, which is similar to the ritual of consecration of a plot for construction, building or sculpture. In the *Puranas*, the book begins to be perceived as a sacred cult object. Due to the high status of writing, not only the sound of *mantras* and sacred syllables becomes sacred, but their graphic form. Evidence for this can also be found in descriptions of divination rituals, which involve arranging sacred syllables and Sanskrit characters in particular ways on different types of divination boards.

М. В. Фролова
(ИСАА)

**Персонаж низшей мифологии
как литературная героиня в индонезийском романе
«Моя девушка — куянг» Деви Нины Кираны (2011)**

Ключевые слова: индонезийский фольклор; индонезийский хоррор; Куянг

В докладе рассматривается литературный дериват определенного повторяющегося типа мифологического персонажа островной Юго-Восточной Азии на примере образа *куянг*, поверья о котором распространены в Индонезии, на юго-востоке острова Калимантан). В фольклоре это образ вредоносного агента, наделенного колдовскими свойствами и обладающего двойственной природой, одновременной принадлежностью к миру людей и к «тонкому» миру демонического.

Роман индонезийской писательницы Деви Нины Кираны «Моя девушка — куянг» (*Pacarku Wanita Kuyang*, 2011) представляет этого фольклорного персонажа как героиню современной массовой литературы. Центральный образ *куянг* восходит к повериям народов юго-восточного Калимантана. *Куянг* — не призрак умершей (*ханту*), не *иблис* из мусульманской культуры, а демонизированная живая женщина, ведьма, овладевшая чёрной магией, ночью она отделяет голову от тела и летает с болтающимися внутренностями, охотясь прежде всего на беременных, рожениц и младенцев.

Фольклорная классификация образа *куянг* важна для точного перевода и понимания литературного произведения.

По генезису это персонаж демонологизации живого человека, по функции — вредоносная вампирическая ведьма, по локусу — сельский житель, по времени активности — ночной персонаж. Роман сохраняет эти признаки, но переосмысляет их: *куянг* становится наследуемой магической идентичностью героини, связанной с семейной памятью, исламским осуждением колдовства и конфликтом между традиционным фольклорным представлением и современной массовой литературой в жанре романтического хоррора. *Куюнг* в романе — метафора уходящего в историю анимистического самобытного Калимантана, Внутреннего Другого для современной все еще яваноцентричной Индонезии.

Marina V. Frolova

(Institute of Asian and African studies MSU)

A Lower Mythology Character as a Literary Heroine in the Indonesian Novel *My Girlfriend Is a Kuyang* by Dewi Nina Kirana (2011)

Keywords: Indonesian folklore; Indonesian horror; *Kuyang*

The presentation examines a literary derivative of a particular recurring type of mythological figure found in insular Southeast Asia using the beliefs concerning the *kuyang* figure which are widespread in Indonesia, in the southeastern part of Kalimantan. In folklore, it is represented as a malevolent agent endowed with magical powers and possessing a dual nature, belonging simultaneously to the human world and to the “subtle” or demonic realm.

The novel *My Girlfriend Is a Kuyang* (*Pacarku Wanita Kuyang*, 2011) by Indonesian writer Dewi Nina Kirana presents this folkloric figure as a heroine of contemporary popular literature. The

central image of the *kuyang* still derives from the beliefs of the peoples of southeastern Kalimantan. In the novel, a *kuyang* is neither the ghost of a deceased person (*hantu*) nor an *iblis* from Muslim culture, but a demonized living woman — a witch who has acquired the power of black magic. At night, she separates her head from her body and flies through the darkness with her entrails dangling beneath her, preying primarily on women pregnant or in childbirth, and infants.

The classification of the *kuyang* in folk beliefs is essential for an accurate translation and interpretation of the novel. By its genesis, the figure is the demonized living human being; by its function, it is a malevolent witch; spatially, associated with a rural inhabitant; by its activity, it is a nocturnal figure. The novel preserves these features but reinterprets them: the *kuyang* becomes an inherited magical identity of the heroine, connected with family memory, the Islamic condemnation of witchcraft, and the conflict between traditional folkloric representations and contemporary popular literature in the genre of romantic horror. Metaphorically, *kuyang* means the animistic and culturally distinctive Kalimantan receding into history, as well as for the Inner Other of contemporary Indonesia, which remains predominantly Javanese-centered.

С. З. Шейх
(НИУ ВШЭ)

**Манускрипт из конволюта ал-Малика ал-Афдала
(ум. 1377): компендиум норм шāфи‘итского права**

Ключевые слова: манускрипт; Расулидский Йемен;
шāфи‘итское право

Исследование посвящено анализу юридического сочинения, представленного в конволюте, изданном Д. Вариско и Г. Смитом в 1998 г. Рукопись, приписываемая султану ал-Малику ал-Афдалу (ум.1377), представляет собой краткий компендиум норм шāфи‘итского права и занимает два листа (91 строку) почерком *наسخ* с редким использованием диакритики и полным отсутствием огласовок. Организация текста лишена внешних маркеров членения (*scriptio continua*, отсутствие пунктуации). Анализ внутренних (эмических) маркеров выявил комплекс структурных элементов, похожий на трехуровневую систему, встречающуюся в классических шāфи‘итских компендиумах, но не идентичный ей. Дополнительными маркерами служат маргиналии двух видов, использование цветных чернил и специальные символы для обозначения границ разделов. Сравнительный анализ с параллельными текстами шāфи‘итской традиции позволил выявить три стратегии работы автора с источниками:

- 1) Почти дословное копирование;
- 2) Тривиальная текстологическая правка, заключающаяся в систематическом опущении формул-указаний на множественность мнений в школе, свидетельствующая о сознательной унификации доктрины и отказе от презентации полемических аспектов;

3) Экстремальное сокращение, при котором автор так сильно сжимает исходный текст, что его смысл становится доступен только при обращении к параллельным источникам.

В рукописи встречаются ошибки; некоторые из них были исправлены на полях, а другие остались неисправленными. Наиболее серьёзные смысловые искажения делают текст непригодным для самостоятельного практического применения без обращения к первоисточникам. Совокупность выявленных особенностей (отсутствие фиксации плюрализма мнений, экстремальная лаконичность, наличие пассажей, понимаемых только через параллели, а также ошибки) позволяет выдвинуть гипотезу о том, что данный текст представлял собой личный рабочий компендиум султана, не предназначенный для внешнего использования, а подготовленный лишь для быстрого освежения в памяти ключевых положений шāfi'итского права.

Sofia Zahoor Sheikh
(HSE University)

A manuscript from the convolute of al Malik al Afḍal (d. 1377): a compendium of Shāfi'ī legal norms

Keywords: manuscript; Rasulid Yemen; Shāfi'ī law

This study examines a legal treatise preserved in a convolute published by D. Varisco and G. Smith in 1998. The manuscript, attributed to Sultan al-Malik al-Afḍal (d.1377), is a concise compendium of Shāfi'ī legal norms, occupying 2 folios (91 lines) in a *naskh* script with sparse use of diacritical points and no vocalization. A distinctive feature of the text is its organization, which lacks external markers of division (*scriptio continua*, absence of punctuation). Analysis of internal (emic) markers has revealed a

set of structural elements that resembles, but is not identical to the three-tier system found in classical Shāfiʿī compendia. Additional segmentation devices include 2 kinds of marginalia, the use of colored ink, and special symbols marking section boundaries. A comparative analysis with parallel texts of the Shāfiʿī tradition has brought to light three strategies employed by the author in handling his sources:

1) nearly verbatim copying;

2) textual simplification, consisting in the systematic omission of formulae indicating the plurality of opinions within the school, what points to a deliberate unification of doctrine and a rejection of polemical nuances;

3) extreme abbreviation, whereby the author condenses the source material to such an extent that the meaning becomes recoverable only through recourse to parallel works.

The manuscript contains various types of errors, some of which have been corrected in the margins. The most serious distortions of meaning render the text unsuitable for independent practical use without reference to the original sources. Taken together, these features (the absence of doctrinal pluralism, extreme conciseness, passages intelligible only through parallels, and the presence of scribal mistakes) suggest that this text was not intended for external circulation. Rather, it appears to have been the sultan's personal working compendium, prepared for his own use as a quick refresher on the key provisions of Shāfiʿī law.

В. Ю. Шелестин
(ИВ РАН)

Кто родил ребёнка? Гендер в хеттской сказке СТН 363

Ключевые слова: гендер; Древний Восток; мифология; хетты

Хеттский мифологический текст, известный как «Сказка о Боге Солнца, корове и рыбацкой чете» (СТН 363), дошёл до нас в составе сборной таблички вместе с гимном Иштар. Его зачастую рассматривают как продолжение сказки об Аппу (СТН 360), повествующей о связи имени человека и его судьбы. Хотя колофон СТН 363 называет её второй неоконченной таблицей об *A...*, сам *A...* (*Annu?*) в сохранившейся части текста не фигурирует.

Первая часть сюжета сказки строится вокруг рождения коровой от Бога Солнца человеческого ребёнка, а вторая — вокруг обретения этого ребёнка бездетной рыбацкой четой. Во второй части сказки большое внимание уделяется гендерным ролям в традиционном обществе, рассказчик обращает внимание на характер взаимоотношений мужа и жены. В первой части сказки гендерные маркеры отсутствуют, а акцент в повествовании сделан на межвидовом взаимодействии и противопоставлении небесного и земного миров.

Однако корова последовательно записывается в тексте шумерограммой GU_4 'бык', а не $GU_4.AB$ 'корова'. Такой вариант записи для явных самок встречается в хеттских мифах, например, в пассаже из мифов о пропавших богах, когда «Корова (GU_4) (не) признала своего телёнка». Вместе с тем, в СТН 360 корова ($GU_4.AB$) противопоставляется волу

(GU₄.APIN.LÁ), поэтому было бы логично соблюдать ту же номенклатуру животных и в её продолжении, если таковым является СТН 363. Нельзя однозначно определить и пол Бога Солнца — его имя Истану может относиться как к женским, так и мужским вариантам этого божества. Впрочем, в хеттских мифах дети рождаются и от однополых союзов, например, появление Бога Грозы во чреве Кумарби от семени Ану (СТН 344). С другой стороны, Кумарби и корову объединяет желание съесть потомство, осквернившее родителя своим фактом рождения. Таким образом, можно интерпретировать СТН 363 как «Сказку о Солнечном божестве, быке и рыбаке», что позволяет рассмотреть первую часть мифа как отражение неправильного гендерного распределения, а вторую — как приведение его к норме.

Vladimir Yu. Shelestin

(Institute of Oriental Studies RAS)

Who is a parent? Gender in the Hittite tale CTH 363

Keywords: Ancient Orient; gender; Hittites; mythology

The Hittite mythological text known as “Tale of the Sun-god, the cow and the fisherman” (CTH 363) has come down to us as part of a *Sammeltafel* together with the hymn to Ishtar. It is often regarded as a continuation of the tale about Appu (CTH 360). Although the colophon CTH 363 calls it the second unfinished tablet about A..., the figure of A... (*Appu?*) does not appear in the surviving part of the text.

The first part of the tale depicts a cow giving birth to a human child by the Sun God, while the second part narrates a childless fisherman couple finding the child. In the second part of the tale, we can observe the gender roles in traditional society; the

narrator draws attention to the nature of the family relationship. In the first part of the tale, there are no gender markers, and the narrative focuses on interspecies interaction and the contrast between the celestial and the earthly worlds.

The word for the cow appears in the text as the Sumerogram GU₄ ('bull'), rather than GU₄.ÁB ('cow'). This variant in the notation of explicitly female figures is attested elsewhere in Hittite myths — for instance, in a passage from the myths of the lost gods, where "The cow (GU₄) did not recognize her calf". However, CTH 360 contrasts the cow (GU₄.ÁB) with the ox (GU₄.APIN.LÁ); it would therefore be logical to maintain this animal nomenclature in its continuation, CTH 363. The gender of the Sun God is unclear: its name, Ištanu, can refer to both the female and male variants of this deity. In Hittite myths, children are also born from same-sex unions like the Storm God appearing in Kumarbi's womb from Anu's seed (CTH 344). Kumarbi and the cow are united by the desire to eat the offspring that has defiled the parent by its very birth. Thus, we can call CTH 363 as "Tale of the Sun-god, the bull and the fisherman," which allows us to view the first part of the myth as a reflection of an incorrect gender distribution and the second part as a restoration of the norm.

А. А. Ясинский
(ИВ РАН)

**Понятие *сё:сэцу* в трактате Цубоути Сё:ё:
«Сущность романа» (1885–1886)**

Ключевые слова: роман; *сё:сэцу*; Цубоути Сёё

В эпоху Мэйдзи (1868–1912) японские интеллектуалы, исполненные чувства неполноценности перед иностранцами, разрабатывают способы адаптации европейской культуры на японскую почву с целью встать вровень, если не обогнать в развитии Запад. В этом контексте трактат Цубоути Сёё «Сущность романа» (1885–1886) обычно рассматривается филологами как начало новой японской литературы. В своем трактате Цубоути вводит понятие *сё:сэцу*, которое сам же глоссирует как «*novel*». Основная цель трактата — описать историю и теорию западного романа, чтобы японские авторы, опираясь на разработки Цубоути, обновили японскую литературную традицию. Однако понятие «*сё:сэцу*» не стоит расценивать как исключительно функциональное, адаптирующее жанровое имя европейского романа. Для Цубоути *сё:сэцу* в первую очередь — это жанр японской прозы с историей, начинающейся в предшествующую эпоху Эдо (1603–1868). Используя понятие *сё:сэцу* как жанровый маркер, Цубоути включает в его поле большой пласт литературы — от эдоских текстов *хакува сё:сэцу*, адаптировавших для японских читателей китайские романы, до политических и морализаторских романов периода Мэйдзи, приносящих, по мнению самих авторов, социальную пользу. В связи с этим одна из интенций трактата — вывести понятие *сё:сэцу* из сферы «практического знания» и служения

государству в область чистого искусства, и именно в этом состоит принципиальная новизна трактата. При этом Цубо-ути не апеллирует к современности, но пишет только о «романах» второй половины эпохи Эдо, в частности, работах Кёкутэй Бакин (1767–1848), через обращение к которому равно критикуется и предшествующая литературная традиция за отсталость от европейских образцов, и эпоха Мэйдзи за примитивизацию главного литературного жанра девятнадцатого века, «романа».

Andrey A. Yasinskiy

(Institute of Oriental Studies RAS)

**The concept of *shōsetsu* in Tsubouchi Shōyō's treatise
“The Essence of the Novel” (1885–1886)**

Keywords: novel; *shōsetsu*; Tsubouchi Shōyō

During the Meiji era (1868–1912), Japanese intellectuals, plagued by a sense of inferiority towards foreigners, devised ways of adapting European culture to Japanese soil with the aim of catching up with, if not overtaking, the West in terms of development. In this context, Tsubouchi Shōyō's treatise “The Essence of the Novel” (1885–1886) is generally regarded by literary scholars as marking the beginning of modern Japanese literature. In his treatise, Tsubouchi introduces the term *shōsetsu*, which he himself defines as ‘novel’. The main aim of the treatise is to describe the history and theory of the Western novel so that Japanese authors, drawing on Tsubouchi's work, might revitalise the Japanese literary tradition. However, the concept of *shōsetsu* should not be regarded as merely a functional adaptation of the genre name for the European novel. For Tsubouchi, *shōsetsu* is, first and foremost, a genre of Japanese prose with a history dating

back to the pre-Edo period (1603–1868). Using the concept of *shōsetsu* as a genre marker, Tsubouchi includes within its scope a vast body of literature — ranging from Edo-period *hakuwa shōsetsu* texts, which adapted Chinese novels for Japanese readers, to the political and moralising novels of the Meiji period, which, in the authors’ own view, served a social purpose. In this regard, one of the treatise’s aims is to move the concept of *shōsetsu* from the sphere of ‘practical knowledge’ and service to the state into the realm of pure art, and it is precisely this that constitutes the treatise’s fundamental novelty. At the same time, Tsubouchi does not appeal to the contemporary; rather, he writes only about the “novels” of the latter half of the Edo period, in particular the works of Kyokutei Bakin (1767–1848). Through an engagement with Bakin, both the preceding literary tradition and the Meiji era are criticized alike: the former for its backwardness relative to European models, and the latter for its primitivization of the nineteenth century’s principal literary genre, the “novel.”

* * *

Наши авторы и редакторы

Баранова Марина Сергеевна — лаборант-исследователь Восточного факультета СПбГУ.

E-mail: m.baranova.studies@gmail.com

Бельский Владимир Викторович — кандидат теологии, доцент кафедры церковной истории Московской Духовной Академии.

E-mail: b_volodimir@mail.ru

Валеев Рамиль Миргасимович — доктор ист. наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: Valeev200655@mail.ru

Вдовин Сергей Сергеевич — научный сотрудник Центра исламских рукописей ИВ РАН.

E-mail: sergey11vdovin@gmail.com

Выжлаков Максим Владимирович — канд. филол. наук, пост-докторант кафедры лингвистики Венского университета (Австрия).

E-mail: m.v.vyzhlakov@gmail.com

Гордиенко Елена Витальевна — кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии ИСАА МГУ; старший преподаватель центра изучения религий Института истории религий и духовной культуры РГГУ.

E-mail: hanviet@mail.ru

Горшков-Кантакузен Владимир Александрович — старший преподаватель Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования Минздрава России.

E-mail: cantacuzene.patent@gmail.com

Горяева Любовь Витальевна — канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН.

E-mail: goriaeva@mail.ru ; l.goriaeva@yandex.ru

Закарияев Замир Шахбанович — доктор ист. наук, профессор кафедры востоковедения Дагестанского гос. университета.

E-mail: zzakariyaev@yandex.ru

Илюшина Милана Юрьевна — доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник Центра византийско-кавказских исследований ИВ РАН.

E-mail: miliushina@hse.ru

Иткин Илья Борисович — доктор филол. наук, старший научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки ИВ РАН.

E-mail: ilya.borisovich.itkin@gmail.com

Ишанханова Мухлисабону Тургуновна — канд. филол. наук, Международная исламская академия Узбекистана

E-mail: ishankhanovamuxlisabona@gmail.com

Лахути Лейли Гасемовна — старший научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН, куратор Иранского кабинета имени проф. М.-Н. О. Османова.

E-mail: lahuty@gmail.com

Лахути София Валерьевна — младший научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН.

E-mail: s.lahuti@ivran.ru

Мартынов Дмитрий Евгеньевич — доктор ист. наук, профессор Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: Dmitry.Martynov@kpfu.ru

Мартынова Юлия Александровна — канд. ист. наук, доцент
Института международных отношений Казанского
(Приволжского) федерального университета.
E-mail: jmarabae@kpfu.ru

Матвеева Ольга Константиновна — младший научный сотрудник
Отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН.
E-mail: LM171708@mail.ru

Микульский Дмитрий Валентинович — доктор ист. наук, главный
научный сотрудник Отдела памятников письменности
народов Востока ИВ РАН, член Учёного совета ИВ РАН.
E-mail: dmitrimikulski@mail.ru

Мишин Дмитрий Евгеньевич — канд. ист. наук, научный сотруд-
ник Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН.
E-mail: mde@mts.ru ; d.mishin@ivran.ru

Мрачковская Арина Витальевна — лаборант-исследователь Цен-
тра исламских рукописей ИВ РАН.
E-mail: arinamrachkovskaa@gmail.com

Мянд Виктория Александровна — студентка Московского
городского педагогического университета.
E-mail: myavi.laurene0708@gmail.com

Настич Владимир Нилович — канд. ист. наук, зав. Отделом
памятников письменности народов Востока ИВ РАН,
член Учёного совета ИВ РАН.
E-mail: vnv@bk.ru ; vladimir@nastich.net

Никитенко Евгения Леонидовна — канд. ист. наук, доцент
Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ.
E-mail: evgnikitenko@yandex.ru

Новикова Валерия Вадимовна — стажер-исследователь Центра междисциплинарных фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург).

E-mail: valeriia03novikova@gmail.com

Норик Борис Вячеславович — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН.

E-mail: boris.norik@mail.ru

Овчинникова Мария Алексеевна — лаборант-исследователь Отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН.

E-mail: mariatereza@yandex.ru

Османова Милена Нуриевна — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН.

E-mail: osmanova-milena@rambler.ru

Пригарина Наталья Ильинична — доктор филол. наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН.

E-mail: prigarina@gmail.ru

Прудников Виталий Владимирович — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела истории Востока ИВ РАН.

E-mail: gviskar@mail.ru

Резаипуя Али (Ali Rezaeepuya) — независимый исследователь (Исламская Республика Иран), выпускник Тегеранского университета.

E-mail: ali.rezaee.puya.ir@gmail.com

Рейснер Марина Львовна — доктор филол. наук, профессор кафедры иранской филологии ИСАА МГУ.

E-mail: marinareys@iaas.msu.ru

Розов Владимир Андреевич — доцент кафедры арабской филологии Восточного факультета СПбГУ.

E-mail: vladirozov@yandex.ru

Руссу Константин Витальевич — тьютор Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург).

E-mail: krussu@hse.ru

Саитбатталов Искандер Расулевич — канд. филол. наук, доцент Уфимского университета науки и технологий (Уфа).

E-mail: saitbattalovir@uust.ru

Свенцис Антон — стажер-исследователь факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ (Москва).

E-mail: leconsdestenebres@yandex.ru

Соколов Олег Александрович — канд. ист. наук, доцент кафедры арабской филологии Восточного факультета СПбГУ.

E-mail: olegs1291@gmail.com

Текаев Динмухаммет — преподаватель Туркменского гос. пед. института им. Сейитназара Сейди.

E-mail: dinmuhammettekayew@gmail.com

Тимохин Дмитрий Михайлович — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела истории Востока ИВ РАН.

E-mail: horezm83@mail.ru

Торопыгина Мария Владимировна — канд. филол. наук, старший научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН.

E-mail: meshtorop@gmail.com

Тхор Светлана Вячеславовна — канд. ист. наук, научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН.

E-mail: svetlanavadi@mail.ru

Тюлина Елена Валерьевна — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН.

Е-mail: tyulina57@mail.ru

Фролова Марина Владимировна — канд. филол. наук, доцент кафедры филологии стран ЮВА, Кореи и Монголии ИСАА МГУ.

Е-mail: frolovamv@my.msu.ru

Чалисова Наталья Юрьевна — канд. филол. наук, главный научный сотрудник ИКВиА НИУ ВШЭ.

Е-mail: chalisova@hotmail.com

Шейх София Захур — стажер-исследователь Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ.

Е-mail: sheykhsofia2004@gmail.com

Шелестин Владимир Юрьевич — канд. ист. наук, научный сотрудник Отдела истории и культуры Древнего Востока ИВ РАН.

Е-mail: v.shelestin@ivran.ru

Ясинский Андрей Анатольевич — лаборант-исследователь Отдела литератур народов Азии ИВ РАН.

Е-mail: ghotwht@gmail.com

* * *

XVI ежегодная проблемно-методологическая конференция
«Текстология и источниковедение Востока».

19–21 октября 2026 г.

Тезисы и конспекты докладов

Электронная PDF-версия для размещения на сайте ИВ РАН